

СЕРГ УСОВ

БАСТАРД РОДА НЕЛЛЕРОВ

ИДДК

КНИГА 11

Бастард рода Неллеров

Серг Усов

Бастард рода Неллеров. Книга 11

«ИДДК»

2026

Усов С.

Бастард рода Неллеров. Книга 11 / С. Усов — «ИДДК»,
2026 — (Бастард рода Неллеров)

"Бастард рода Неллеров" – фантастический роман, одиннадцатая книга одноименного цикла, жанр попаданцы, боевое фэнтези, приключенческое фэнтези. История о нашем современнике, оказавшемся в теле юного бастарда великого герцогского рода. Вернувшись из столицы, молодой аббат Степ Неллерский собирается заниматься хозяйственными делами, которые и так, на его взгляд, сильно затянул, да только по его душу уже явились имперские убийцы, события в королевстве и на континенте весьма тревожные, с орденом Наказующих возник странный конфликт на ровном месте, да и род нуждается в поддержке попаданца. **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ ЖЕСТОКОСТИ И НАСИЛИЯ.**

© Усов С., 2026

© ИДДК, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Серг Усов

Бастард рода Неллеров. Книга 11

© Усов Серг

© ИДДК

Глава 1

Восторженное настроение, которое я испытывал, возвращаясь в родную обитель, долго не продержалось. Собственно, ещё и день пути от Неллера не прошёл, а на меня напала хандра. Виной всему чёртова погода, я бы зиму в Кранце взял и отменил. Не то что унылая пора, очей очарование, а полная задница, хотя чем-то и похоже на позднюю осень на моей настоящей родине.

И без того частые дожди на относительно небольшом отрезке моего пути до Готлина решили совсем не прекращаться, лишь на какое-то время переходили в морозящую взвесь, похожую на туман.

Тракт, по которому мы двигаемся, относительно пригоден для езды, и только на небольших участках приходится привлекать солдат для выталкивания повозок из грязи. Тут надо отдать должное моему биологическому отцу, вкладывавшемуся в строительство дорог, и мачехе с единокровным братом, изыскивающим деньги на их поддержание в приличном состоянии. В этом плане Неллерское герцогство отличается от королевского домена как небо и земля, разумеется, в нашу пользу. Так что есть всё ж радость в моей нынешней ситуации: двигаемся мы достаточно быстро.

Я не Суворов, не Наполеон и не прочие александры македонские, мне показывать пример своим солдатам, двигаясь, как и они, верхом, не требуется. Пусть вон милорд Карл демонстрирует силу воли и несгибаемость, а я всего лишь юный аббат, священнослужитель, мне сам Создатель велел беречь себя.

Поэтому лежу на тюфяке поверх сдвинутых сундуков в отапливаемом фургоне, при свете амулета читаю добытую Леоном Роффом древнюю книгу, с трудом продираясь через архаичный слог, и слышу, как Ангелина спорит с Юлькой, какое полено нужно подбросить в печку, а какие оставить на потом.

– Хватит уже трещать как сороки, – срываю на девчонках своё плохое настроение. – Нашли из-за чего шум поднять. Выгоню сейчас под дождь. Давненько вы у меня верхом не скакали. Соскучились уж, поди?

Задний полог фургона раздвинулся, и показалась голова свесившейся с седла миледи Паттер.

– Пустишь погреться? – спросила.

– Когда я тебе отказывал, Алиса? – Сажусь на своей лежанке, свесив босые ноги, и сразу же вдеваю их в войлочные боты. – Замёрзла? Намокла? – задаю риторические вопросы.

В Неллере мы докупили ещё три фургона, в них совсем нет никакого груза, ну почти. Поставленные внутрь сундуки всё равно чем-то полезным для обители наполнили. А так эти повозки больше служат для того, чтобы люди в пути могли погреться и обсушиться. Ещё и брат Сергей в решении этих проблем сильно помог, молодец. Зря я над ним иронизировал. В библиотеке нашего родового замка он нашёл плетение заклинания тёплого потока. Я-то думал, чепуха полная, а оказалось, совсем нет. Дважды в сутки – один раз в первой половине дня и через пару часов после обеденного привала – колонна останавливается, парни выстраиваются в ряды по обе стороны дороги, вывесив на руках перед собой плащи, а я с помощью магии направляю поток тёплого воздуха вдоль строя. Длится заклинание чуть больше трёх минут, если дождь шёл сильный, то до конца не высушивает, но тем не менее результат получается неплохой. Не случайно за пять дней неприятной дороги у нас ни один боец ещё не захлюпал носом и не почувствовал слабость от повышенной температуры.

И всё же лейтенант-маг не просто так ко мне зашла в гости. У моих офицеров имеется свой фургон – и тоже с печкой вроде земной буржуйки, только из бронзы и больше похожей на обрезок трубы. Раз появилась, значит, разговор есть. Она, пригнувшись, прошла на мою поло-

вину и села на бочонок из-под вина, уже давно пустой и служащий в моём походном кабинете стулом.

– Там дождь прекратился, – сообщила она, передав скинутый при входе плащ Ангелине для просушки над печью. – Только, чувствую, ненадолго. Хорошо, что одну ночь осталось в пути провести, завтра к вечеру уже увидим обитель. Карл уверяет, что до темноты успеем достичь постоянного двора у Рябиновки. И это хорошо. – Она стянула с себя ботфорты и обмотки тоже отдала служанке взамен на такие же, как у меня, боты. – Юлька, ты как, примеряешь уже на себя наряды офицерской жены? – со смешком спросила у моей подружки детства.

– Ты уже знаешь? – спрашиваю Алису.

– Пфф, Степ, – усмехается она. – Уже вся рота знает. Бедному Николасу приходится частенько выслушивать шутки по этому поводу. Думали ж, что она на него засматривается. Мы разговоры эти пресекаем, не дело, чтобы рядовой состав зубоскалил по поводу штаб-капрала, унтер-офицера, хоть и самого младшего.

– Ну, парням в таком тяжёлом путешествии чем-то надо себя развлечь. – Жму плечами.

– Да понятно, – соглашается ротная целительница. – Поэтому пока обходимся без плётки. Юлька, так что? Готова?

– Отстань ты от неё, Алис, ты ж не за этим сюда сейчас пришла? И не только просушиться. Знаешь ведь, не люблю вот эти вот, – показываю ладонью движение змеи, – виляния вокруг да около. Говори прямо, что случилось и чем могу помочь.

С Юлькой мне и так всё ясно. Девчонка долго не раздумывала, сразу же согласилась стать женой лейтенанта Эрика Ромма, невзирая на столь вопиющую разницу в возрасте. У моей бывшей подружки и всё ещё пока служанки появился шанс сделать большой шаг вверх по социальной лестнице, став из obsługi даже не почтенной горожанкой, а чуть-чуть повыше. Пусть и не дворянкой пока. Хотя у меня есть уже намётки, каким образом моему верному соратнику устроить дворянскую грамоту, зря, что ли, у меня принцесса в подругах и сестрёнка Агния полковник королевской армии? Тут пока до такого ещё никто не додумался, а у нас на Земле, помню, случаи формального назначения на должности присутствовали сплошь и рядом. Покажу и в этом плане прогрессивные методы.

Не сомневаюсь, что Юлька старалась держать свой язычок за зубами, она вообще в последнее время всё меньше и меньше стала походить на ту безбашенную девчонку без тормозов, какой была в моей памяти, становилась расчётливой и весьма прагматичной. Тут ещё и розги свою воспитательную роль сыграли. Информация, скорее всего, утекла от Николаса. Мой приятель, а ныне штаб-капрал, что та собака на сене: сам жениться ни в какую, а узнав о предстоящем браке Юльки и лейтенанта, впал в депрессию. Пожаловался кому-то в неллерском кабаке за кружкой эля на свою нелёгкую судьбу. Здесь же, как и в моём родном мире, что знают двое, знает и свинья.

В общем, Юльку сразу же по возвращении в мой монастырь Эрик поведёт в церковь. Сочетать браком я их лично буду. Правда, я немного подзабыл порядок проведения брачного обряда, ну да почитать и вспомнить не проблема.

– Знаешь, я долго думала, Степ. – Миледи Паттер старалась на меня не смотреть. – Спасибо тебе за всё. Я очень тебе благодарна. И за то, что дал мне службу, и за то, что защитил от красного ордена. Только зачем тебе из-за меня проблемы? Нет, правда, Степ. Я знаю, что лучшего командира и сюзерена, чем ты, не найти. Уверена. Но прецептор Ульян ведь не успокоится. Понятно, у тебя сильные покровители, и сам ты очень могуч, но нужно ли тебе постоянно отвлекаться на всякие досадные мелочи по моей вине? Завтра наша колонна свернёт с тракта. А я, наверное, поеду дальше в Виргию. Между прецепториями орденов в разных государствах не такое уж и активное сообщение, вряд ли кто-то будет меня искать в другой стране. А вообще, могу и дальше, до королевства Римнар, уехать. Думаю, целительница везде найдёт службу и...

– Я тебя чем-то не устраиваю? – прерываю её вопросом ближе к сути.

– Да нет же, милорд, – помотала она головой. – Всем устраиваешь, говорю ведь. Просто...

– Алиса, послушай. – Стараюсь заглянуть ей в глаза, и мне это удаётся. – Ты самостоятельная благородная миледи и вправе сама за себя всё решать. Если хочешь покинуть меня, что ж, так тому и быть. Только знай: я сильно расстроюсь. Честно. Не только потому, что ты достойный офицер и целительница. Ты ещё и человек, который мне понравился. Я к тебе привык, чего уж скрывать, и искать кого-то другого на должность лейтенанта-мага не хочу. Наказующие – это моя проблема. Понимаешь? Не говори пока ничего, Алиса, подожди. Ульян вспомнил о твоей семье не потому, что вдруг возжелал разобраться с тобой. Ты всего лишь повод, чтобы надавить на меня и мой род. Не было бы тебя, нашлось бы что-то другое. В общем, ещё раз – оставайся. Моё мнение. И пожелание. Но, конечно же, приму любой твой выбор. Или тебя Карл своими несмешными шутками достал?

– Да при чём здесь он? – отмахнулась миледи Паттер. – Его я просто убью перед отъездом. – Она тоже шутить умеет. – Хорошо, Степ. Я подумаю.

– Вот и подумай, – соглашаюсь. – Пока твои вещицы сохнут, может, тебе что-нибудь дать почитать?

Лейтенант-маг мотнула головой.

– Свои интересные истории и сказания ты в столице раздал, а другое мне не хочется смотреть. Лучше разреши, я просто отдохну.

По моему знаку девчонки развернули свою лежанку, на которой ночевали вдвоём, и Алиса без стеснения тут же развалилась на ней, заложив руки за голову.

Реально жаль будет, если она уедет. С одной стороны, я её понимаю. Денег за свою службу она заработала достаточно, в столице накупила все нужные ей вещи. Осталось только приобрести на первом же постоялом дворе вычухных лошадей, и можно отправляться подальше от злого взгляда прецептора Наказующих. А с другой: вот реально, где она лучше меня сюзерена найдёт?

И мне вот как-то не хочется расставаться. Я вообще не люблю менять круг своих друзей, знакомых, сослуживцев. Вот и девчонки от меня скоро уйдут. Ангелину ведь тоже хочу выдать замуж за Николаса, моего лейтенанта сыска. Тоже офицерской женой станет.

Надо кого-то на замену им искать, причём быстро. Ладно, это не проблема. В самой обители и в поселении при ней много девиц. А может, не среди девиц себе служанок искать? Подобрать каких-нибудь тёток постарше? Надо подумать.

Продолжил чтение до обеденного привала, а уж после него вскочил в седло. Надоело и в повозке трястись. Ничего, скоро у меня появятся нормальные металлические рессоры, и буду путешествовать с относительным комфортом, насколько, конечно, позволяет состояние наших дорог. Уезжая из обители в столицу, я оставил брату Георгу, своему управителю, несколько схем с описаниями амортизирующих пластин. Надеюсь, к моему приезду первые образцы будут уже готовы.

С милордом Монским, капитаном моей роты, присоединились к авангарду. Друг уже весь в предвкушении предстоящей своей поездки в родные места. Родителей навестит, покажется их соседям и, главное, бывшей своей невесте во всём своём нынешнем великолепии. Так-то из писем его родные в курсе, как удачно он устроился, но одно дело об этом прочитать, а другое – увидеть воочию. Карл рассказывает мне о всех мелкопоместных дворянах Церского и Монского баронств, а я слушаю. Вроде мне и всё равно, что там и как, а приятелю приятно моё внимание.

Миновали, не останавливаясь, две небольшие деревни с убогими мазанками, крытыми гнилой соломой, среди которых не просматривались даже дома местных старост (те, видать, здесь тоже нищенствовали), а потом оставили справа от себя имение старого милорда Эрвина Пелта, который приходится каким-то дальним родственником моему лейтенанту Герберту Вилкову.

Одиноким старик любит публичные наказания батогами, отчего его дворня ходит, вжав головы в плечи и не поднимая глаз, все боятся привлечь к себе внимание. Когда ехали в Рансбург, ненадолго сворачивали в имение, а сейчас не стали.

Как меня Карл и уверял, к постоялому двору на окраине небольшого, окружённого валом и рвом поселения подъехали ещё засветло.

На перекрёстке тракта с двумя дорогами П-образная виселица порадовала всего одним трупом, да и то исклёванным почти до скелета. Почему останки ещё не упали, знает лишь Создатель.

Судя по отсутствию множества казнённых, егеря и дружинники владельцев в этих краях банды повывели. Увы, понимаю, это ненадолго. По весне новые появятся. Разбойники здесь возникают что те блохи, будто бы сами по себе заводятся.

– Похоже, места все заняты, Эрик, – говорю будущему мужу Юльки с намёком.

Тот понимающе кивает.

– Сейчас освободим, – отвечает и зовёт за собой сержанта Николая Торела, свою правую руку: – За мной!

Оба умчались к воротам постоялого двора, за оградой которого скопилось десятка три повозок. Видать, там не один караван и даже не два. А мы с Карлом остановились, чтобы дожидаться, пока подъедут все наши.

Вроде и небольшая у нас колонна, но в постоялый двор мы въезжаем спустя минут двадцать. Понятно, Эрик с сержантом нас ждут уже на крыльце, всем своим видом демонстрируя, что вопрос с размещением уже разрешился. Ещё бы, тут не столица, это Неллерское герцогство, Готлинское графство, и, кто такой его преподобие аббат Степ, все прекрасно знают, а сына хозяина этого придорожного заведения я и вовсе в начале года исцелил от травмы, по вине которой он мог остаться калекой на всю жизнь. Постояльцы тоже не возмущались, освобождая уже оплаченные номера и общие комнаты. Да тут вообще, если разобраться, моё царство, могу делать в этих краях что захочу. Даже в столовом зале на столах вместо бросания костей посетители теперь играют в домино, шашки и нарды. Кто придумал эти игры, ни для кого не секрет. А уж сколько дополнительных доходов за счёт продажи получала обитель, только мы с казначеем знаем. Увы, увы, этот денежный поток постепенно сходит на минималку. Сволочи плагиаторы развелись повсюду и копируют мои задумки, пользуясь полным отсутствием какого-либо понятия об авторском праве.

Для меня, понятно, нашёлся отдельный номер, который я разделил с Карлом, остальным пришлось тесниться гораздо сильнее. Но это по-всякому лучше, чем ночевать под открытым небом.

С утра можно было не торопиться, до монастыря отсюда всего половина дня пути, но нетерпение гнало меня в дорогу. И встал рано, и толком сам не позавтракал, и своим людям не дал засиживаться. Выехали на тракт, едва предрассветный сумрак рассеялся. Дождь прекратился, правда, чувствую, ненадолго. Но всё равно оставшееся до родного дома расстояние собираюсь проделать верхом. Не сахарный, не растаю.

– Алиса, что решила? – спросил у лейтенанта-мага, когда показалась развилка, где наша колонна съедет в сторону от тракта.

Её решение мне и так понятно. Если бы захотела расстаться со мной, приобрела бы себе выючных лошадей и перегрузила на них всё своё добро, которое сейчас везут в четвёртом фургоне. Однако хочу получить официальный ответ.

– Остаюсь, если не прогоняешь, – улыбнулась миледи Паттер.

– Вот и замечательно, – киваю одобрительно. – Кир, осторожнее! – предупреждаю своего наставника по рукопашному бою, когда тот неловко повернулся в седле.

– Я держусь, господин, – уверил он меня.

В дороге позволяю себе немного лениться. Вместо ежедневных утренних провожу тренировки теперь только тогда, когда мы ночуем на постоянных дворах, и при том не и-и, а или-или, то есть либо с Карлом на мечях, либо с Бирюком на кулаках.

Наставника я прихватил с собой из Рансбура, он с радостью согласился: и оплата ему обещана приличная, и служба очень престижная – самому прославленному аббату Степу Неллерскому, – и поле деятельности у него будет широкое. Киру предстоит теперь не только заниматься со мной, но и обучать набранный мною перед отъездом в столицу отряд юных спецназовцев.

Сейчас с ними занимаются бывший войсковой разведчик сержант Арчи Добнес, тоже, как и мой Эрик, когда-то служивший под руководством легендарного капитана Ронова – вот кого бы мне заполучить к себе, да только где ж его найти? – и исцелённый мною от увечий бывший акробат Лео Тимас, молодой двадцатилетний парень, у которого, иногда мне кажется, вообще костей нет. Один учит моих юношей ножевому бою, скрытности, владению удавкой, схваткам на клинках, чтению следов в лесах и полях, другой – быть вёрткими, как ужи, и ловкими, как обезьяны. Теперь вот пусть Бирюк научит драться. Хочу ещё в отряд и девушек привлечь. А что? Я ж мужским шовинизмом не страдаю и вообще за равноправие полов, тем более что в Паргее с этим вопросом намного справедливее, чем было когда-то на Земле в аналогичную эпоху.

– Вон и Стремянка, – сообщил с улыбкой милорд Монский, когда показался недавно отремонтированный мост через речку, служившую восточной границей моих земель.

– Слава Создателю, наконец-то вернулись. – Я пришпориваю коня.

Глава 2

Специально ведь послал вперёд сержанта Торела, чтобы тот предупредил: никаких торжественных встреч – шеф, то есть его преподобие милорд Степ Неллерский, приедет сильно уставшим, и ему лишь бы побыстрее привести себя в порядок и хорошенько отдохнуть. Да куда там: мои ближайшие помощники решили посвоевольничать и устроили настоящее шоу. Реально – прямо цирк с конями.

В принципе, я их понимаю: доходы монастыря под моим чутким руководством увеличились почти втрое, и это не предел, а вместе с доходами растёт и благополучие братьев. Это лишь на первый и очень наивный взгляд может показаться, что священнослужителям ничего не нужно, кроме славы Создателю, в реальности все любят хорошо поесть, жить в тепле и относительно комфорте, носить украшения, а главное, пожалуй, у каждого из братьев есть о ком заботиться. Всё ж они не с неба свалились, у каждого имеются родственники, а у иных и внебрачные, понятно, дети. Вот и славят меня мои подчинённые искренне, даже преднастоятель нашей обители – младший баронет Михаил – и тот постепенно признал моё превосходство, перестал держать камень за пазухой.

Перед рогатками на въезде в поселение – а у меня здесь теперь, если разобраться, целый городок тысячи на две с половиной населения, и это если считать без паломников, приезжих торговцев с их обслугой и охраной и путешественников, – во главе отряда конников из двух десятков братьев в сверкающих бронзовых латных доспехах, выстроившихся по обе стороны дороги, нас встречает мой наставник лейтенант Макс, чей нагрудник украшен золотой насечкой в виде жезла Создателя и отходящих от него в стороны лучей. Я у него такого ещё не видел, новинка. Не зря я, получается, переманил к себе из Готлина мастера – гравировщика по металлам с его подмастерьями.

За почётным караулом, перегораживая дорогу, располагается пешая делегация из моих заместителя и ближайших помощников, вырядившихся в чёрные парадные сутаны, – преднастоятель Михаил по центру, брат Георг, управляющий монастырским хозяйством, и наш главный лекарь брат Симон слева, а справа от преднастоятеля – братья Алекс и старичок Валерий, наши казначей и главный библиотекарь, и лейтенант сыска Николас, а дальше напирают на плотное оцепление из созданной мною сводной роты наёмных копейщиков и арбалетчиков толпы из свободных от службы монахов, жителей поселения и паломников.

Где-то мелькают дети и даже рабы, впрочем, первые в основном оккупировали крыши домов. В обычные дни ребяtiny бы прогнали и наказали, нечего черепицу или дранку ломать, но сегодня гонять их просто некому: всё поселение не смогло удержаться, чтобы не выйти мне навстречу.

Но дольше всего мой взгляд задержался на стоявшей у поворота к воротам обители в окружении десятка верховых дружинников в цветах Дитонского графства карете. Юлиана! Прав был её отец и мой дядя епископ Рональд – она примчалась сюда раньше меня. Я тоже тебя люблю, кузина!

А вот моих будущих спецназовцев сержант Арчи зря сюда притащил: их я заметил, когда под восторженные крики, чуть ли не рёв, встречающих несколько раз всех благословил. Да, Добнес догадался замаскировать истинную сущность моих юных ниндзя сутанами послушников, кем они у меня официально числились, дав пока единственный обет – безбрачия, – но всё равно не хотелось бы, чтобы они здесь часто глаза мозолили.

Я ж говорил сержанту, чтобы на отдых вывозил их в Готлин? Ладно, прощу на этот раз, коли уж тут такое нескромное торжество затеяли. Ого, и два столба, смотрю, на рыночной площади, обложенные дровами и хворостом, приготовили. Ну да, понятно. Какой же праздник без казней? Чёрт, и ведь не отменить намечающееся аутодафе: вообще не поймут.

– Рад тебя видеть, наставник. – Я пожимаю предплечье лейтенанта Макса и спрыгиваю с коня, уздцы которого уже держит штаб-капрал Николас. – Доклад принял. Рад, что всё у нас без серьёзных проблем. Приветствую, братья! – говорю во весь голос, направляясь к делегации встречающих по коридору из конных латников.

Они ж не поленились выйти встречать меня пешком, вот и мне не лень сделать десяток шагов, уважить своих помощников, к тому же я сегодня больше половины дня в седле и давно ждал момента, когда его можно уже будет покинуть. Мы даже на обеденный привал не останавливались. Ещё и есть хочу, хотя на ходу иногда перекусывал всякой всячиной.

С погодой повезло. Небо хоть и хмурится весь день, но пока ни капли не упало, может, и до ночи осадков не будет. Довольно прохладный ветерок не только студит нас, а ещё и низкие тёмные облака прогоняет мимо, не давая выливать на землю воду.

– Ждали твоего приезда ещё на прошлой неделе, – сказал брат Михаил, когда мы после взаимных приветствий всем командным составом обители направились к арке ворот. – Люди заждались. Видишь, как радуются. – А здесь реально такой ор с обеих сторон стоит, что я прямо гложу. А ведь приятно, чёрт возьми. Любому нравится, когда тебя ценят и уважают. – Завалили просьбами, чтобы ты лично вечерню провёл. Я сказал, обойдутся. Его преподобию нужно отдохнуть с дороги. Может, сказать, что завтра обедню отслужишь?

– Скажи, конечно, – одобряю его решение и, уже обращаясь к остальным помощникам, говорю: – Раз срочных вопросов, требующих моего немедленного вмешательства, нет, тогда и о делах завтра поговорим. Сегодня отдыхаем и развлекаемся. С угощениями для паствы определились, брат Георг?

Управляющий немного расстроился, что я не прямо вот с ходу стану выслушивать доклады. Мой талантливый учёный-испытатель, механик, астроном, алхимик и хозяйственных сфер деятельности энтузиаст наверняка торопится не столько похвастаться успехами обители, сколько, как обычно, засыпать меня новыми вопросами и попросить множество советов. Ну ничего, потерпит до завтра.

– Да, всё решили, – ответил управитель. – Столы и внутри обители, и в поселении будут. Вечером казнь супругов Адар. Отравители из Готлина.

– Отравители? – удивляюсь. – А при чём здесь мы? И почему сожжение, а не петля?

– В ходе дознания графским сыском выяснилось, что они нашу святую воду оскверняли, – пояснил брат Георг. – Из нашего источника привозили. Мало было им запретной алхимии, они ещё и всякие ритуалы в присутствии заказчиков проводили. Брат Симон с Никитой допрашивали их усердно, Адар в чернокнижии так и не сознались, утверждают, что просто хотели заказчиков напугать сильнее, чтобы те боялись прийти с покаяниями к страже или в сыск. Как бы то ни было, всё равно это жуткое богохульство, и наказание потому соответствующее. Мы с братьями Михаилом и Валерием коллегиально им приговор вынесли.

– Надо ж, какие хитрецы эти Адар, – мотаю головой. – И многих отравили?

– Больше двух десятков, они восемь лет этим занимались. Составы ядов мы записали. Там есть любопытные разработки. Вызывают смерти, похожие на естественные. Можно тайную книгу ядов пополнить. Нам как раз из университета заказ на два тома пришёл. – Увидев, что я вдруг отвлёкся и на моих губах заиграла улыбка, он сразу же понял причину этого. – В гостиницах дожидаются много дворян, желающих исповедаться и получить благословение лично от вас. А виконтессу Дитонскую с её свитой мы разместили у нас в обители. Всё правильно?

– Абсолютно. – В знак благодарности прикасаюсь одновременно к локтям и преднастоятеля, и управляющего. – Хорошо, когда помощники исправляют или дополняют то, о чём, по идее, должен был бы подумать я сам. Спасибо, братья.

Ускоряю шаг, моя Юлиана уже вышла из кареты вслед за Эйты. До них ещё полторы сотни ярдов, но я хорошо вижу худенькую – совсем не поправилась нисколько – высокую фигурку кузины с выпирающим животиком (как вставший на хвост ужик, проглотивший круп-

ного хомяка), а рядом – новоявленную миледи с белозубой улыбкой на чёрном, как уголь, лице. Там ещё, похоже, и Валька рядом крутится, отогнав лакея, который помогал им выходить из экипажа. Блин, а ведь точно, у меня ж своего таксопарка здесь нет, в смысле паланкинов и портшезов, расстояния небольшие проходим пешком, а чуть побольше преодолеваем верхом или в повозках, вот и пришлось моей долгожданной гостье выезжать в карете. Не в её положении, что называется, ноги ломать.

– Юлиана! – Раскрываю объятия, даже не заметив, как быстро преодолел разделявшее нас расстояние. – Дорогая, долгожданная, наконец-то мы снова встретились.

Душа реально поёт. Даже удивительно, насколько быстро, будучи совершенно чужим в этом мире, я обзавёлся привязанностями к некоторым людям, а к кухне и вовсе отношусь будто к по-настоящему родной. Разумом взрослого мужика понимаю, что все Неллеры мне никто, а чувства говорят совсем об обратном.

– Степ! – прижимается она ко мне животом. – Степ, я так рада, так рада.

Вокруг нас уже возникло три стены – взвод лейтенанта Ромма в полном составе, дружинники Дитона и копейщики обители. Так что не пробьёшься, хотя краем глаза вижу массу желающих это сделать дворян. С завтрашнего дня начну всех принимать. Чувствую, первое время мне непросто придётся. Да и ладно. Нечто подобное я, в принципе, ожидал. Всё ж впервые я так долго отсутствовал и столь много полезного для своей обители сделал.

– У-у, а отчего мы плачем? – Смеюсь, достаю платок (мне только-только Ангелина его дала, меньше часа назад, чистый) и вытираю Юле слёзы. – Ого, сама алхимию делала? – Пытаюсь погасить эмоции у неё и у себя, переводя разговор на обыденность. Никогда особо не любил – ни в прошлой жизни, ни в этой – ни торжественных встреч, ни долгих расставаний, да куда деваться? – Не только от слёз не потекло, но даже, смотри, на шёлковом платке следов краски нет.

– Плетения из моей коллекции, – шмыгает чуть длинноватым и совсем немножко кривоватым носом виконтесса Дитонская. – А изготовила вот она, миледи Эйты из Дитона. Узнаёшь? – кивнула на свою бывшую рабыню.

– Кто ты, добрая девушка? – демонстративно морщу лоб, будто пытаюсь, но никак не могу вспомнить негритянку. – Мы виделись? О, а вот и Валька. Валька, привет, – махнул рукой разодетой как барыня подружке детства.

Шутку насчёт непризнания в чернокожей дворянке купленной мною самим и подаренной кухне рабыни девушки оценили и поддержали её хихиканьем.

Ещё раз благословив собравшееся вокруг многолюдье, вместе с кухней и Эйты, оставив Вальку общаться с друзьями детства Ником и Юлькой (последней есть чем похвастаться, успеваю заметить, как её буквально распирает от желания наброситься на подругу с новостями), залезаю в салон экипажа.

Тут идти-то ярдов триста, но уж лучше ехать в компании виконтессы Дитонской, прижавшейся ко мне так плотно, как когда-то Леська к своему плюшевому мишке, которого я ей привёз однажды из командировки.

– Как же тебя здесь все любят, – сказала кухня.

У севшей напротив миледи Эйты губы вообще, что ли, не смыкаются? Всё время улыбается. Наверное, тоже мне рада. Искренне. А что? Она от меня ничего плохого не видела. Ну, кроме того, что я ей это дурацкое имя придумал.

– Знаешь, сам удивлён, – отвечаю, чуть качнувшись при начале движения. Так и захотелось напомнить кучеру, что не дрова везёт. – Меня после войны так не приветствовали, что виргийской, что ронерской, хотя во время первой я обитель спас, а во второй два обоза трофеев и сотни полторы кандалников добыл. Наверное, накопительный эффект.

– Какой эффект, Степ? – Юлиана заглянула мне в лицо.

– Неважно, – мотнул я головой. – Расскажи, как доехала. Не очень тяжело-то в твоём положении было?

Сегодня, похоже, вообще никто работать не собирается. Взойдя на крыльцо главного здания с кухней и милордом Монским – остальные чуть задержались, – вижу, что и внутри стен обитатели все решили поглазеть на вернувшегося господина, даже из птичника все рабыни высыпали. Можно подумать, я из кругосветного путешествия вернулся. Правда, что ли, попробовать объехать всю Паргею и посмотреть, как тогда встретят? Да ладно, я ж не Аннушка Миорская, это у той шило в одном месте. Хотя чем больше о ней вспоминаю, тем более привлекательной она мне кажется. Нет, так-то понятно, что молодая дурочка, однако интересная девчонка. Своеобразная.

Моё желание пообедать вдвоём с виконтессой Дитонской все соратники, включая моего друга Карла, приняли с полным пониманием. Только вдвоём сесть за стол у нас с кухней не получилось. Компанию нам составили Мурзик с Котькой, которые встретили меня у входа в здание и уже не отлипали – мяукали, ластились, требовали внимания, но, стоило взять их в руки, начинали впивать в меня свои когти и драть штаны.

Как понимаю, они так выражали негодование по поводу моего долгого отсутствия. Ну ничего, теперь я не скоро вас брошу. У меня дел в монастыре выше крыши.

Обед состоял из блюд, приготовленных по моим рецептам, повар очень постарался. Не забыть бы его чем-нибудь поощрить. Что-то Юлиана уже пробовала, что-то узнала впервые. Она съела всего по чуть-чуть – один мант, один куриный биточек, два пельменя, малосольного налима под шубой – с селёдкой в наших краях плохо, её совсем нет, – а ещё немного плова из баранины.

Мы не торопимся, нам есть что друг другу рассказать и чем поделиться. Впереди у нас ещё пять-шесть дней общения. Так что ничего не упустим.

– В твоём положении надо много есть, Юль, – говорю с укором. – За двоих. А ты? Как vorobyshok.

– Ай, хватит, – отмахивается кухня. – Захочу ещё, принесут. Только ты так и не ответил, Степ: принцесса правда от тебя без ума? А ты? Она тебе нравится? У тебя есть уже любимая девушка? В Дитон все новости приходят поздно, да и их достоверность порой ужасная. Иногда вообще всё напутают. Как же мне тоже хочется в Рансбуре побывать. Я ведь там была всего один раз, и то совсем маленькой, когда папа ездил к кардиналу на интронизацию в епископы. Ай! Мурзик! Степ, он опять меня укусил! Я этого мерзавца кормлю, а он кусается. Тварь неблагодарная. Иди сюда, прыгай на коленки. Говорят, брат Георг рассказывал, когда тебя не было, он с Котькой мышей в твои апартаменты приносили в больших количествах. Будто языческий ритуал по вызову тебя домой справляли. Они же не служат древним лжебогам?

– Выдумки черни, – усмехаюсь. – Посмотри на этих пушистиков. Одно из лучших творений Создателя.

Пока я не готов делиться с кухней своими чувствами. Она замечательная девчонка, но всё же девчонка. Сболтнёт кому-нибудь – и пиши пропало. Как ни странно, но в Средневековые слухи расползаются и преувеличиваются ничуть не меньше, чем при наличии жёлтой прессы. Да я и сам ещё толком не знаю, как дальше у меня всё получится. Быстрее бы уж виконт Филипп со своими инквизиторами всё выяснил о происхождении Берты. Прямо сердце не на месте, хотя во всякие там предчувствия никогда не верил и не верю. О принцессе рассказал честно, мы с ней просто друзья. Какие там могут быть чувства? Кто она, а кто я. Зато позабавил Юлиану рассказом о встрече с Анной Миорской, как едва не скрестил клинки на дуэли со своей несостоявшейся невестой.

– А она ведь тебе понравилась, – заметила чуткая Юлиана. – По голосу и выражению лица вижу. Может, напишешь брату и герцогине, пусть передумают насчёт твоего брака с ней? Вернутся к договорённостям с герцогом Гуннаром.

– Перестань, Юль. – Я тоже уже насытился и сейчас просто сижу, привалившись к спинке стула. – Анна чудная. Да даже если бы и захотели всё вернуть, то что? Посылать за ней погоню, вырывать из лап императора и его адмиралов? Она уж наверняка сейчас в Юстиниане. Надеюсь, с ней в дороге больше ничего опасного не случилось. Ладно, сестрёнка, ты меня отпустишь помыться в бане и чуток вздремнуть?

– Конечно. На казни еретиков продолжим беседу. Я видела, дрова приготовили сухие, подвешат мерзавцев высоко, так что жариться будут долго. А может, и поужинаем вдвоём? Я тебе ещё столько всего не рассказала.

– Буду рад, – соглашаюсь. – Я уже перенёс все свои дела на завтра.

Наш обед продлился почти час. Понятно, мы с кузиной больше беседовали, чем ели. Мои офицеры своего юного отца-настоятеля дожидаться не стали. Наскоро перекусив, уже вымылись. Им-то что, они ж не парятся. Поэтому компанию мне составили только брат Сергей и штаб-капрал Николас.

Когда дошли до мыльни, я был приятно удивлён. Преднастоятель Михаил построил общественную баню, о которой я как-то обмолвился, да и упустил этот момент, а вот братья-монахи, оказывается, очень внимательно к моим пожеланиям относятся. Правда, строение зачем-то сделали из кирпича, хотя дерево подошло бы лучше, и ладно: для здешнего мягкого климата сойдёт и камень. Главное – я внутрь зашёл, оценил – внутри всё сделали с учётом моих требований.

Сегодня и я не стал себя излишне утомлять паром. Ополоснулся тёплой водой и отправился отдыхать. Даже на подколки в адрес расстроенного предстоящим замужеством Юльки Ника сил не хватило. Не физических – физически я готов ещё раз весь путь от Неллера до Готлина проделать – моральных. Однообразие долгой дороги утомляет.

Мурзик с Котькой ждали меня снаружи мыльни. Воду они не любят, как и все нормальные кошачьи, но и отпускать от себя далеко своего вернувшегося хозяина не торопятся.

– Так и будете за мной теперь хвостом ходить? – интересуюсь. Те взглядами подтвердили мою догадку. – Ну тогда пойдём вздремнём час-полтора.

Глава 3

Как же приятно после долгого путешествия проснуться в своей постели! Выспался на все сто. Вчера ещё как вырубился часа за полтора до полуночи, будто нырнув в омут с головой, так только сейчас, когда сквозь ткань портьер чуть-чуть пробился солнечный свет, проснулся.

Ночь прошла без сновидений, что редко случается. И это очень хорошо, что без них, иначе могли бы привидеться всякие гадости, так как после службы в нашей церкви, которую я провёл весьма достойно перед большим количеством прихожан, устроивших давку ради выслушивания проповеди и получения благословения от самого аббата Степа, настроение мне, и без того попорченное зрелищем жестокой казни, ещё больше ухудшил брат Георг своим коротким докладом о незначительных происшествиях, случившихся во время моего отсутствия. И на кой чёрт я вчера решил его выслушать? Сегодня, что ли, не мог?

– Мурзик, перестань, гад, – прикрикнул на пушистого дружка. – Бери пример с Котьки. – Глажу урчащую у меня под боком кошечку, вымахавшую размером с молоденькую рысь. – Хватит уже царапаться. Вижу я твой подарок, вижу.

Кот сидит у кровати и внимательно следит за мной. Стоит только мне неосторожно вынуть ногу из-под одеяла, как он тут же бьёт по ней лапой. Когти старается убирать при этом, но они у него такие длинные, что не очень-то и получается.

Не знаю, то ли мои котятки уже всех мышей и крыс в обители переловили, то ли они решили мне в честь возвращения праздничное угощение преподнести, но на коврике сегодня меня ожидает тушка придушенной белки.

– Визит с самого утра белки – это совсем не то, чего бы мне однажды хотелось увидеть, Мурзик, – говорю шёпотом по-русски.

Пушистики оба полиглоты, знаю достоверно. Всё отлично понимают, что на паргейском, что на языке моих по-настоящему родных берёзок и осин. А вот я, похоже, некоторые речевые обороты уже начинаю забывать, хотя память о полученных когда-то знаниях удивительно острая.

Даже критерий Коши для определения сходимости или расходимости рядов, из-за которого я чуть не завалил экзамен по высшей математике, сейчас легко могу сформулировать и доказать. Ага. Только это тут сейчас никому не нужно и не понадобится ещё несколько сотен лет после моей смерти.

Организм требует вылезти из-под одеяла, что я и делаю. Сбегав в смежную комнатку и на обратном пути подбросив в камин короткое полено, звать Ангелину не стал. Решил поваляться ещё с полчаса в компании с Котькой. Мурзику надоело выпрашивать мое внимание, и он ушёл тем же путём, что и оба сюда приходят – через окно на ветвь раскидистого дуба, а затем по стволу вниз. Белку кот, хоть и обиделся, забирать не стал. Ладно, служанка уберёт.

У меня оба узких оконца приоткрыты, и поступает свежий воздух, но всё равно в горле оскомины до сих пор держится. Трибуна, на которой сидел во время аутодафе я с Юлианой, оказалась с подветренной стороны, и мы вволю надышались запахом горелой человеческой плоти. Брат Никита – опытный организатор казней, так что хоть дыма почти не было. Отравители именно что поджарились, а не задохнулись, ну и зрителям кашлять не пришлось.

Если остальным весь этот ужасный смрад казался вполне терпимым, кухня, прижимавшаяся ко мне, словно бы желая больше никогда не расставаться, даже улыбаться не переставала, а вот я всё никак не могу привыкнуть к жестокости своего нового мира. Умом понимаю, что эта семья поганцев вполне заслуживает своей участи, а вот в груди так и ворочается неприятие происходящего.

Частично моё отвращение к сожжению людей разделила Эйты. Только её коробило вовсе не от жуткого воя отравителей и их корчей в муках, а от одного лишь запаха. Она поделилась с

бывшей госпожой и нынешним сюзереном виконтессой Юлианой, которой уж больше месяца назад дала вассальную клятву, идеей, что преступников лучше топтать слонами. Даже не подумала: где ж мы ей на Итерике elephants найдём?

С фауной континента я вроде хорошо знаком, слоны у нас нигде не водятся. Разве что их в империю наряду с другими диковинными животными и гадами привозили, чтобы на них поглазели, но до зоопарков, дендрариев и прочего тут ещё не додумались. Бедных животных после демонстрации убивали. При этом использовать бассейны в качестве аквариумов уже догадались.

Помимо казни, получил ещё один негатив. Чёртов брат Афанасий, гадский папа. Нет, так-то он у меня, как говорится, сыровар от Бога, то есть от Создателя. Горжусь его трудом – реально, без дураков. Ни в прошлой, ни в этой жизни ничего вкуснее его молочной продукции не пробовал, даже хваленые швейцарские или здешние римнарские сыры из молока горных коз и рядом с тем, что делаем мы, не стояли. Только вот любит этот пожилой и тучный монах, что называется, закладывать за воротник. Я прощал, потому что вроде меру он знает. Знал. Оказывается, не успел я убыть в Ровену, брат Афанасий спёр у своего друга брата Михаила (не преднастоятеля, а главного винодела) ключ от винных подвалов, сделал его дубликат у брата Василия (тут, считай, целый заговор получился) и с тех пор начал шастать в залы с винными бочками, благо для него они располагались на том же ярусе, что и помещения, в которых выдерживались сыры премиум-класса, собственно, его царство, куда, кроме его самого и подчинённых ему рабов, никто и не заходил.

Да пёс бы с винными бочками, но этот старый козёл просверлил дырку в одной из дубовых ёмкостей, где набирал вкус «моя прелесть» неллерьяк – кстати, дрель ему тоже брат Василий подогнал. И распробовал мой напиток! Распробовав, повадился по чуть-чуть сливать каждый день, и ладно бы, сволочь, из одной бочки всё это делал, так он же сделал дырки в четырёх из одиннадцати – самого первого года разлива. Думал, что так, когда вскроют, не заметят уменьшения объёма. Если бы не прачка – он её насильничал, а она выдала его с головой брату Георгу, – то придурок и все остальные объёмы напитков опытного производства мог погубить. Да, дырки-то он после каждого слива затыкал, но постоянный доступ воздуха наверняка портит продукцию.

Вот уж кого бы я с удовольствием приказал выпороть, так это брата Афанасия, а заодно с ним и брата Михаила – за то, что растяпа, – и брата Василия за соучастие. Только монахов подвергать телесным наказаниям нельзя. Афонька, козёл, просидел по решению преднастоятеля в келье на хлебе и воде неделю. Теперь я должен определиться, какого реально наказания алкаш заслуживает. Только брат Георг сразу обозначил ограничения – старый толстяк очень нужен на работе, но без толики вина он совсем киснет, и качество работы падает. Молодцы, блин. Кадры решают всё. Неужели раньше нельзя было позаботиться, чтобы у любого из моих монастырских спецов и мастеров имелась достойная замена? Эх, и этим придётся заниматься. Нужно молодых братьев разгрузить от патрулирования владений, пусть моя вернувшаяся рота этим займётся, а парней больше привлекать в помощь умельцам. Так и научатся.

В дверь кто-то поскрёбся. Ангелина, кто ж ещё-то? Котька мигом вскочила и как будто бы вышла на охоту, неслышно подкралась к двери. Оба моих котейки за время моего отсутствия приобрели дурную привычку хватать когтями и зубами всех, кто входил в мои покои, чтобы навести здесь порядок. Рабыни жаловались брату Георгу, но тот без моего ведома не решился закрыть сюда хулиганам вход. Оставил плач служанок без внимания. И ладно. Мурзик с Котькой не насмерть же бились. Покусав и исцарапав несчастную девушку или тётку, ну или раба, чистящего камин, они сбегали на подоконники и оттуда следили за работой. А вчера с новыми привычками кошек познакомилась и Ангелина. Почему-то Юльку они признали, а вот её – нет. Может, чувствовали, что первая – моя подружка детства? Не знаю, они не объяснили.

– Вы встали? – спросила служанка, просунув голову в щель входа, и тут же успела её убрать, закрыв за собой дверь, поэтому прыжок Котки оказался безуспешным, отчего она разочарованно мякнула.

– Вот так-то, подружка, – усмехнулся я. С кровати пришлось вставать, брать тяжеленную кошку на руки и тогда уж звать Ангелину. – Заходи, не бойся.

Пока девушка готовила мне всё для умывания, отчитал обеих кошек, воспользовавшись временным возвращением Мурзика на подоконник. Так, на вид, вроде всё поняли. Но точно покажет уж дальнейшее. Они отправились обходить владения, а я по-быстрому собрался. Оказывается, виконтесса Дитонская проснулась рано и ждёт со мной встречи за завтраком.

А повар сегодня расстарался для нас и подал кашу из маланского зерна, проще говоря, риса – на молоке, с добавлением нашего монастырского масла и чуточки моего сахара. В рецепте, мною подаренном этому миру, вообще-то указан мёд, но раз есть теперь свой сладкий продукт, почему бы не использовать его?

– Степ! Это правда очень вкусно! – похвалила блюдо любимая кузина. – А пусть принесут ещё!

Нет, она не обжорка, просто вначале потребовала положить ей совсем немного. Не хотела меня обижать отказом, вот и согласилась попробовать. Маланское зерно у нас в Кранце не в чести, его вообще редко где встретишь. В соседней Верции и то лишь в портовых тавернах для моряков из южных стран держат. К нам привозят лишь в малых количествах. Это я через Барта Итрова, своего верцийского представителя, чью семилетнюю крошку дочурку я поставил на ноги в буквальном смысле, по спецзаказу переправил аж десять мешков риса, и даже деньги вернулись. Ну да, так-то этот скототорговец мне по жизни больше должен.

– Вот видишь, – торжествую и делаю знак Юльке принести ещё каши. – А насчёт излишнего добродушия Хельги всё ж поясни. Она ж очень строго наказала тех парней и девушек.

– Пф, строго, – отмахнулась виконтесса Дитонская. – Да я б за такие слова тут же велела при мне вырвать им языки, зажарить и заставить их сожрать, а после на гарроте бы удавила. Так отзываться о высокородной девушке недопустимо.

Всё же, поддавшись уговорам любимой кузины, я рассказал часть своих приключений с принцессой, поведав, как мы вчетвером – ещё и с Карлом, и с Бертой – отправились гулять по столице, представляясь одеждами и повадками простолюдинами. Юля пришла в восторг. Мы с ней по Неллеру часто гуляли, но ещё ни разу инкогнито. Тут же, чувствую, её зацепило всерьёз. К гадалке не ходи, как только родит и чуть вырастит ребёнка, стопудово повторит наш подвиг. Только вот рассказ о злословии в адрес принцессы её реально взбесил.

Нет, Юлиана ничуть не более жестока, чем принцесса. Просто Хельга знает про себя, что красива, как и кузина не обольщается насчёт своей внешности. Отсюда и разная реакция на оскорбления у этих двух замечательных девушек. Понятно, я лучше сам себе язык откушу, зажарю и съем, чем вслух произнесу то, о чём сейчас подумал. И упрекать виконтессу – наследницу Дитонскую в жестокости не стану. По местным меркам она вообще-то ангел во плоти. Скажу другое:

– Юль, раз уж ты у меня такой специалист по наказаниям, может, посоветуешь, как мне быть с одним старым добрым монахом, который довёл меня до бешенства?

– Тебя? До бешенства? – смеётся кузина. – Это невозможно. Ты ж спокойный как корова. Ой.

– Спасибо, я вообще-то совета хотел спросить, а не вот этого вот...

– Прости, прости, Степ, – умоляюще смотрит на меня виконтесса Дитонская. – Я ж так не думаю на самом деле, ты знаешь. А что с тем стариком не так? – ловко перевела тему.

Ну, я на неё и не обижался. Знаю ведь, как сильно она меня любит.

– Испортил, ну, наверное, испортил часть моего неллерьяка – помнишь, я тебе рассказывал о новом напитке? Вот. И тут такое дело: и безнаказанным его поступок оставить нельзя, и

выпороть лицо духовного звания – тоже, а держать его запертым в келье на хлебе и воде очень накладно для благополучия обители. Как быть-то?

Кузина даже не задумалась, ответила сразу:

– Так вериги же есть. У меня папа, помню, когда посчитал себя в чём-то провинившимся перед Создателем, неделю в цепях ходил, даже праздничную литургию в них проводил. Потом я его исцелила сразу же. Но вот тебе вариант. У нас под Дитоном монастырь Целителей, к нам преднастоятельница приезжала оттуда, тоже на себя груз навесила. Говорит, месяц так себе положила.

Точно. И как я сам не догадался? Видел же в прецептории пару братьев в веригах, и у меня, помню, когда только сюда приехал, брат Никита на себя за что-то их навесил. Есть вещи, за которые человек сам себя судит перед ликом Создателя. Среди лиц духовного звания, слуг нашего Господа, такое нередко случается. Вот и выход. Раз брат Афанасий не додумался наложить на себя цепи, я сделаю это за него. Пусть походит пару недель. И ему, и другим урок будет. А его соучастников, пусть невольных и не ведавших, что творят, посажу под замок на этот же срок.

– О, спасибо за подсказку, – благодарю.

– Спасибо на лепёшку не положишь. – Юля запомнила мою адаптированную под здешние порядки поговорку и сейчас её мне вернула. – Мы с миледи Эйты хотим присутствовать при рождении истории об огниве.

Она имеет в виду сказку Андерсена, о которой я ей вчера рассказал.

– Хорошо, – сразу же соглашаюсь. – Долг украшается платежом. Только сразу говорю: это будет поздно вечером – мне ещё нужно будет отъехать по делам – и не очень интересно, даже скучно, думаю, смотреть, как брат Сергей буква за буквой, скрипя пером, заносит историю на пергамент.

– Ничего, – пренебрежительно фыркнула виконтесса Дитонская, перед которой как раз поставили блюдо с рисовой кашей, положив побольше, чем в первой порции. – Пока ты едешь, нам есть чем заняться. А потом – будет даже интересно посмотреть, как рождается твоя удивительная магия сказок. Ты ведь так называешь свои истории?

– Ага, так. Ой, Юль, оставь место под вот это – паштет из гусяной печени. С лепёшкой знаешь как вкусно?

Кузина права, говоря, что им найдётся занятие. Как таковых свадебных платьев, чтобы прямо соответствовали неким правилам, в этом мире нет. Вроде. Ну, в королевстве Кранц точно. Ни цвета белого, ни фаты, ни прочего, что однозначно выделяло бы невесту на фоне других девушек. Однако идти в церковь для заключения брака всё же требовалось максимально нарядной. Завтра я обручу два любящих сердца – Эрика и Юльку, – а пока им надо для этого подготовиться. Виконтесса Юлиана Дитонская, миледи Эйты из Дитона и просто Валька взяли на себя этот нелёгкий труд. И ведь я не ёрничаю: помню по Леське, что это такое.

После завтрака мой путь лежит на хутор, где Арчи Добнес, отставной сержант королевского войска, взятый мною на личную службу в качестве наставника моих будущих спецназовцев, и Лео Тимас, человек без костей, акробат, сын, внук и правнук – дальше история умалчивает – циркачей, кого я исцелил от пожизненной инвалидности, должны представить свои успехи в обучении набранных пацанов искусству красться по лесам, читать следы, владеть ножом или удавкой, снимать часовых, скрываться, преодолевать стены и рвы, проползать в щели и многому другому. На значимый результат обучения не надеюсь – слишком мало времени прошло, требуется как минимум пара лет для получения нужных навыков, – но хочу держать ситуацию на контроле, смотреть, как там всё движется, заодно, может, и сам чему-нибудь научусь. Не помешает.

Во время поездки меня будут сопровождать лейтенант Герберт Вилков – Эрику надо готовиться к свадьбе, а Карлу – к убытию в отпуск на родину, – Кир Бирюк, второй взвод моей кавалерийско-егерской роты и напросившаяся составить компанию лейтенант-маг Паттер.

Если сказать с сарказмом, то я удивительный молодчина. Съездить на хутор к Арчи решил ещё вчера, а своим помощникам сказать забыл. Совсем из головы вылетело. Впрочем, у меня есть оправдание, и даже несколько: рад был возвращению домой, встрече с любимой кузиной и беседе с ней, испытывал усталость с дороги, тошноту, вызванную ароматом аутодафе и злостью на брата Альфонса. Как бы то ни было, моя забывчивость вылилась в конкретный результат – все мои помощники с ворохом документов обнаружили в приёмной, когда я, одевшись в походный комплект, направлялся к выходу, заодно провожая кузину в коридор к её гостевым апартаментам.

– Ваше преподобие? – увидел меня, готового к выезду, брат Симон, он стоял у самого порога приёмной, дверь в которую была открыта, и, услышав шаги, обернулся. – А вы куда?

Тут и находившиеся в приёмной заметили мой манёвр.

– Мы же собирались сегодня обсудить хозяйственную деятельность и... – начал говорить управитель.

Главный библиотекарь, единственный, кто из них сидел, если не считать брата Сергея, водившего стило по навощённой бумаге, с трудом поднялся и уставился на меня с укоризной. Остальные – братья Михаил, Алекс и лейтенант Макс – лишь глубоко вздохнули: дескать, наш аббат ничуть не изменился, всё время куда-то торопится, не поймаешь на месте.

– Собирались? Обсудим, – подтверждаю ранее принятое решение. – Просто сегодня – это не обязательно с самого утра. Я вернусь где-то часа через три после полудня, то есть в час, – уточнил не столько им, сколько себе, в очередной раз вспомнив, что хотя сутки здесь примерно равны земным, может, чуть больше по ощущениям, но делятся они на двадцать частей. – Тогда и займёмся. А ещё я приглашаю вас всех на совместную вечернюю трапезу, там обсудим некоторые вопросы в неформальной обстановке. Пока идите и занимайтесь своими делами.

Глава 4

Так уж получилось, что после моего распоряжения помощникам идти заниматься своими делами они увязались за мной, что тот хвост за кометой, сопроводив до самого крыльца, возле которого меня уже дожидались Герберт с Алисой, Кир Бирюк и доблестный второй взвод – они все верхом и с моим осёдланным конём в поводу у одного из бойцов.

Насчёт доблести второго взвода, конечно же, сарказм. Все происшествия в моей роте – что в столице, что по пути туда-обратно – происходили именно с этим подразделением. Дело вовсе не в том, что милорд Вилков менее умелый руководитель, чем лейтенант Ромм, командир первого взвода, просто вначале я задрал слишком высокие требования к подбору кандидатов.

Когда с таким подходом еле-еле набрал полтора десятка солдат, понял, что идеальных воинов мне придётся искать до морковкина заговенья. Так что поубавил свои хотелки и принял реальность такой, какая она есть, хотя постарался всё ж брать тех, кто хорошо себя зарекомендовал в сражениях.

Увы, отличный рубака вовсе не означает дисциплинированный. Второй, набранный попозже взвод нет-нет да и огорчал меня происшествиями. Но, спасибо Карлу и Эрику с Гербертом, да и моему лейтенанту-магу Алисе, офицерам удалось добрым словом и плетью создать хорошую роту, может, даже лучшую в королевстве. Ну, так мне видится при моём уже не таком маленьком военном опыте.

Взобравшись в седло, спрашиваю у брата Георга:

– А чего у нас сапожники без сапог? – Увидев недоумение на его лице, перестаю говорить загадками, показываю хлыстом на троих парней, вышедших из столярки за досками. – Трудно сабо, что ли, для них выточить? Почему босиком? Грязь во дворе сейчас холодная, простынут, заболеют, хуже работать будут.

– Да ничего с ними не будет, – ответил вместо управляющего брат Симон, наш главный лекарь. – Пусть быстрее шевелятся, вот и не замёрзнут. А сабо на всех рабов не напасёшься, обувь на их ногах горит как в камине.

– Я распоряжусь насчёт обмоток или плетёнок, – согласился с моим посылом брат Георг.

Он вообще у меня конформист. Всегда со мной во всём соглашается. Часто это хорошо, а иногда плохо. Как ни крути, истина рождается в спорах.

Ладно, зато мне повезло, что рядом со мной оказался такой алчущий знаний настоящий учёный-естествоиспытатель. И мастеров брат Георг подобрал себе под стать.

Одному мне плохо бы пришлось в плане продвижения прогресса, зато сейчас напоминаю себе такого старого опытного кузнеца, который лишь маленьким молоточком по заготовке тук-тук, а уж его помощники с хеканьем бьют тяжеленными молотами – бах! Бах! Хе-хе.

– Да, чуть не забыл! – Натягиваю поводья, увидев в проходе между маслобойней и сыроварней тучную тушу алкаша и вора. – Брат Михаил! – зову направившегося к девкам-ткачихам преднастоятеля: там вчера аж три рулона льняной ткани выдали отвратительного качества. Он обернулся, и я ему показываю рукой на старого пропойцу. – Пусть брат Афанасий наденет на себя вериги. Ну, ты понял за что. И ходит в них до моих особых указаний. Снимать разрешаю только на ночь.

– Сделаем, ваше преподобие, – зловеще улыбнулся младший баронет и изменил траекторию своего движения.

Ну вот. А потому что не нужно мой неллерьяк воровать. Ещё бы проверить, как скажется воровство этого деятеля на качестве продукции. Только ума не приложу, что тут можно сделать. В принципе, год выдержки – это аналог дешёвого бренди. Пустить испорченные бочки в разлив?

Идея так себе, скажем. Испорчу репутацию марки. Разве что для внутримонастырского употребления использовать. Ага, буду плодить алкоголиков собственными стараниями.

Кстати, о пьянчужках. Подьячий Виктор, мой управляющий монастырским подворьем в Готлине, настоятельно попросил брата Алекса, нашего казначея, когда тот позавчера ездил в город, чтобы тот предупредил меня сразу же по моём возвращении в обитель: мне ни в коем случае нельзя посещать столицу графства, пока с ним, подьячим, не переговорю. Он обещался сразу же сюда примчаться, едва узнает о моём появлении. Ну, я прибыл вчера, и? Где он?

Ладно, чего наезжаю на верного и мудрого соратника, пусть и прикидывающегося беспробудным пьяницей, хотя в реальности он просто любитель выпить? Наверняка сегодня примчится. Неужели графская семья всё ж решила мне мстить за своего младшего оболтуса? Да ну, чушь. Не Станиславский я, но «Не верю!». Им же конец придёт, окончательный и бесповоротный, если моя родня только лишь заподозрит их в злоумышлении против меня.

– Пьер, Ричард! – окликает лейтенант Вилков бойцов, когда мы отрядом подъехали к воротной арке, где вытянулись в струнку четверо караульных братьев. Они в сутанах, без доспехов и щитов, сложенных где-то неподалёку, но с мечами на поясах и с длинными пехотными копьями в руках. – Усильте авангард. И аккуратнее, если встретится кто-то из благородных. Но твёрдо!

Сложно выполнять такие приказы. Понимаю. Но я парням неплохо плачу, пусть проявляют смекалку. А впереди в толпах людей на выезде из обители обязательно есть и дворяне, съехавшиеся сюда не только ради святого источника, но и в безумной надежде выпросить у меня исцеление, и кто-то, к гадалке не ходи, хочет этого добиться дёшево.

У брата Симона сейчас при себе целый ворох свитков был. Не сомневаюсь, среди них больше половины – прошения проявить милость. Бумага всё стерпит, но самые мудрые рвутся добаться до меня лично. Вчера после службы в церкви ушёл под прикрытием двух десятков монахов лейтенанта Макса, отогнавшего самых настырных.

Вот и теперь у меня в отряде авангард, задача которого до выезда из поселения – ах, нет, уже городка – расчистить мне путь, а остальные солдаты взвода и мои офицеры прикрывают аббата Степа с боков. В арьергарде остались лишь трое. Буду надеяться, что со спины на меня никто не кинется.

О выезде аббата Готлинского в сторону хутора, разумеется, никто оповещён не был. Получается, народу хватает одной лишь надежды, что я появлюсь на улицах, вот и томился в ожидании. Нет, чёрт, так дело не пойдёт. Жаль, в монастыре других ворот нет. Есть люк в западной стене, с которой сбрасывают к радости нищих мусор и кухонные помои, но не пользоваться же мне этим путём? Вот цирк бы был.

– Ваше преподобие! – в ответ на очередное моё благословение народа мне машет габарийский барон (забыл, как его зовут) из стоявшей у обочины кареты, представленный мне накануне братом Михаилом перед сожжением отравителей. Габариец привёз сюда – не ближний свет – одержимого племянника. Наследников у старого, лет шестидесяти, дворянина нет, оба сына погибли на войнах, вот и переживает за отпрыска своей младшей сестры, при инициации получившего нестабильный источник, иначе замок и феоде уйдут двоюродному брату, которого барон ненавидит. – Я здесь! Меня негодяи не пропустили в обитель! Мы же договаривались с вами встретиться!

– После полудня, как вернусь! – обещаю ему.

Чёрт, забыл про него. Часты стали такие вот упущения. Хотел ведь блокнот для записей себе завести, такой, чтобы возить с собой постоянно. Иначе правда многое упускаю. Юлиане вот пообещал её присутствие на диктовке сказки про огниво, с помощниками пару часов как минимум прозаседаемся. А завтра с раннего утра нужно провести обряд благословения святостью источника над кузиной и моим будущим племянником или племянницей. Сам-то я в душе не очень верую в Создателя, но и не отрицаю его существования, слишком мало у меня

фактов в поддержку того или иного мнения. Однако любимой Юлиане я всё сделаю как нужно. Весь ритуал проведу в строгом соответствии с описанием. На этом вроде срочные молитвенные дела заканчиваются, и займусь текучкой.

Хвала Создателю, когда проехали до главной площади, столпотворение закончилось, и наступило безлюдье. Реально – народа почти совсем нет, будто там, у ворот обители, собрались все: и местные, и гости нашего городка.

Впрочем, конечно же, я утрирую. Вон у обвисших на цепях, обгоревших до состояния угля трупов казнённых отравителей стайка мальчишек и рыжая девчонка тычут в них палками, развлекаясь, а заодно отгоняя ворон. Странно, чем там могут падалышки поживиться? Вроде всё до костей спеклось.

Есть здесь и пара скучающих без покупателей торговцев, а с левой стороны площади на крыльце трактира – несколько человек.

Ого, да там же и миледи Сильвия стоит, заместительница брата Симона, единственная, кто в нашей глуши имеет пергамент о законченном университетском образовании. Надеюсь, девушка не забыла моё строжайшее указание не использовать ничего из тех знаний, которые ей дали на лекарском факультете?

А что за парень с ней? Похож на петуха, то есть на мелкопоместного дворянчика, старающегося за недорого произвести впечатление аристократа. Блин, лишь бы не увёз от нас девчонку. Сильвия молодец, не хочу терять. Жаль будет моих и брата Симона трудов на её переучивание.

– Миледи Сильвия! – помахал ей рукой. – Рад тебя видеть! Завтра зайду к вам в лекарню! – Не знаю уж, что рядом с миледи за хлыщ такой и пара других парней, но своим дружеским жестом подниму ей статус, когда те поймут, кто именно уделил внимание их знакомой.

– Ваше преподобие! – подняла и она руку, обрадовавшись, помахала в ответ, уже почти мне в спину.

Вот чего я за личную жизнь Сильвии переживать вдруг сейчас начал? Понравилось быть организатором семейных пар? Гордыня обуяла? Если быть честным с собой, то, наверное, так оно и есть. Ну, ещё и испытываю некоторое беспокойство за нравящуюся мне как человек большую умницу.

Знаю, что у девчонок судьба во многом зависит от случайностей. Встретит достойного парня, и всё у неё в жизни будет хорошо, а влюбится в какого-нибудь придурка, то ни образование, ни ум, ни трудолюбие – ничего не поможет. Будет несчастной.

– Алекс? – уже на выезде с площади подзываю торговца овощами, одного из троих старост поселения.

Точно, не забыть бы отправить в прецепторию обращение на статус города, название придумаю. Тогда вместо рыхлой сельской структуры управления можно будет создать городскую. С бургомистром, городским советом и стражей, вместо которой порядок пока поддерживают мои монахи и наёмные охранники старост.

Не знаю насчёт последних, а у братьев и без того забот полон рот. Мои прошлые заблуждения насчёт того, что монахи лишь жрут, пьют и отправляют естественные надобности, разбились почти мгновенно. Пашут как пчёлки.

– Простите, я Олег, ваше преподобие, – жалобно улыбнулся пожилой мужчина, подбежав к колонне и продолжая бег параллельно моему коню.

Почему он меня боится? Подати, которые должен платить, оптимизирует, что ли?

– Скажи Каспару, чтобы трупы с цепей снял, – говорю ему громко, чтобы услышал.

– А как же для устрашения? – вздумал перечить мне придурок, запыхавшись на бегу.

– Для устрашения мы там тебя повесим. – Не терплю пререканий в последнее время. Важным стал. – Перед казначеем когда последний раз отчитывался?

– Да как же! Да ваше преподобие! – налился он краской.

О-о, значит, точно рыльце в пушку. Ладно, думаю, испуга ему хватит в качестве наказания. Да и что он там мог недоплатить с трёх своих лавок и небольшого склада на западном въезде в городок? Сущие зольды.

– Смотри у меня, прохвост, – грожу ему. – Забыл, что, обманывая святую обитель, ты на самого Создателя покушаешься?! Всё, беги. Если, когда я вернусь, эти угли ещё будут погасить мой взор, тебе крышка. И Каспару тоже. Откуда у него деньги на бронзовую черепицу на крыше, а?

– Всё сделаем, господин! – Торговец Олег уже отстал, не выдержав нашего темпа, который отряд набрал, выехав за рогатки поселения.

Почти сразу свернули на запад, оставив слева дымки безлюдной Монастырки и засеянные озимью поля. Крепостным и зимой было чем заниматься. На печках не валяются, да тут их и нет в крестьянских мазанках. Вместо них очаги, которые топят по-чёрному: это когда дым уходит или через дверь, или через отверстие в крыше. Как не угорают, для меня до сих пор загадка. Ни одного случая не было, сколько уж здесь правлю. Так что свой зуд прогрессорства в отношении переделки хибар моих крепостных уже вылечил.

В это время года мужики все на работах у нас в монастыре, в поселении или на лесозаготовках, а бабы сидят по домам, ткут полотно, катают войлок или делают плетёнки: что-то вроде наших лаптей, только не из лыка, а из стружки. Все при делах, даже дети. Кстати, меня крепостные и сервы чуть ли не боготворят за то, что я разрешил мальчикам ловить рыбу. Хотел и взрослым, но не хочу совсем уж выглядеть как тот слон в посудной лавке: ломать всё то, что не мною создано. Постепенно, постепенно, в дополнение к имеющемуся, а не вместо, не разрушать до основания, чтобы потом неизвестно что сотворить. Помню по прошлому миру, чем такие благие намерения могут заканчиваться.

Въехали в лес, и тут дорога опять пошла сплошь грязевое месиво, хотя дождя уже второй день нет. На открытых местах ветер осушает, а здесь опять приходится чавкать копытами наших коней.

Конечно, по уму заняться бы обустройством дорог в монастырском феоде, сделать их хотя бы такими, как герцогские или королевские тракты. Но где людей под эту задачу взять? А даже если и привлечь каких-нибудь каторжан или разбойников по лесам наловить и поставить их в кандалах выравнивать дороги, посыпать их щебёнкой – у меня тут пара хороших каменных карьеров имеется, наряду с угольным и глиняным, – то кто потом созданный тракт будет поддерживать в приличном состоянии? Население в этом мире очень редкое. Может, южнее чуть поплотнее, а у нас, бывает, за пару дней путешествия ни замка, ни мелкого поселения не встретишь.

Я тут потребовал подобие переписи провести в своём владении, так мне принесли данные, что всего две с половиной тысячи человек живёт на почти восьмистах квадратных милях моих земель. Не поверил – и правильно сделал: брат Валерий, оказывается, даже крепостных и сервов не учёл, не говоря уж о рабах и временно перемещённых лицах, имею в виду прижившихся у нас после войны беженцев с северных территорий. В ответ на моё злое недоумение старик-библиотекарь лишь выпучивал глаза: дескать, а что такого? Всегда ж людей считали отдельно, крепостных и сервов – отдельно, рабов – отдельно, а приживал и вовсе никто не считал. Давали работу, если имелась, если нет, так хоть дальше пусть бегут, хоть с голоду подыхают, своим нищим помоев не хватает, каждый вечер у люка, через который сбрасывается мусор, настоящие битвы проходят.

В общем, велел всё суммировать: оказалось, с учётом подаренной моей мачехой деревни Гутото, в нашем феоде проживало чуть больше шести тысяч человек обоих полов и разного возраста. Сейчас, правда, стало побольше: из Готлина и других краёв переселились некоторые ремесленники и торговцы, но всё равно это мало для такой-то площади. А ведь территория у меня ещё считается многолюдной. Так что – эх, дороги, грязь да ухабы.

До хутора лесника чуть больше четырёх миль, на преодоление которых мы верхом потратили почти час. Но, слава Создателю, всё ж добрались и даже косулю подстрелили. Тут звери очень неосторожные. Отличилась миледи Паттер. Не зря я её с собой взял.

Место пребывания моих будущих спецназовцев, ниндзя, ассасинов – пока ещё не решил, как буду их называть – преобразилось за короткий срок. Помню, когда-то я удивлялся, как в старину люди умудрялись строить большие сооружения, величественные, не имея никакой техники, кроме шанцевого инструмента, да и то – примитивного донельзя. Ответ я зримо увидел уже в новой жизни – людям тупо заняться здесь, в глуши, нечем. Ни телевидения, ни интернета, ни СМИ, ни театров, ничего. Книги есть, но они недоступны. Вот и работают как муравьи, строя всё, что нужно.

Да, мини-форт, увиденный мною справа от хутора, на пирамиду Хеопса или крепость Акр не походил, ну так и делали его всего-то восемнадцать мальчишек. Было больше, Арчи ещё десяток из Готлина и бродяжек с дороги набрал, да только он неумех или лентяев, трусливых или глупых выгонял безжалостно. Вчера накоротке с отставным сержантом переговорил, теперь в курсе в общих чертах, что тут происходит. Предложение Добнеса взять ещё четырёх девчонок, глянувшихся ему сильными характерами, я одобрил, да и ещё нужны люди. Двадцать два спецназовца, даже если все оправдают потраченные на их обучение и воспитание силы, это ни о чём. Нужно вдвое больше.

Арчи привлёк на службу за проживание и еду трёх пожилых женщин-беженок из-под Лос-Аратора. Они здесь стирают, готовят и моют. Хотя пацаны им и помогают иногда, но большей частью всё свободное от тренировок время уделяют строительству своей школы.

Увиденный масштаб построенного не оставил меня равнодушным.

– Молодцы, чего ещё скажешь, – произнёс я, сворачивая коня с дороги, не доехав совсем немного до хутора.

– Слышал, они сами это всё сделали, – одобрительно поддержал меня Герберт. – Сержант молодец. Умелец и наставник. Надо же, с парой десятков пацанов такую крепость отстраивает.

– Ну, крепостью это не назовёшь, – улыбаюсь. – Однако, действительно, в случае чего можно будет и отсидеться.

Мини-форт пока не был достроен. Квадрат со сторонами в полсотни ярдов каждая обнесён рвом и насыпью. Та сторона, где установлены ворота, уже полностью защищена частоколом из заострённых брёвен, и противоположная от неё тоже почти завершена. Внутри четыре свежесрубленных строения барачного типа: без окон, но с духовыми отверстиями под крытыми дранкой крышами.

Материалы сюда отправлял брат Георгий – доски с лесопилки, брёвна и дранку с лесоповала, бронзовые гвозди и скобы из мастерских. Хорошо, что у нас свои залежи меди и олова имеются. Найти бы ещё цинк, всё ж латунь во многих изделиях предпочтительнее бронзы. Конечно, иметь бы ещё и производство железа было бы просто фантастикой, но не потяну: людей уже и так ни на что не хватает.

В форте шли занятия, там по уложенной длинной перекладине будущие спецназовцы перебегали из края в край, совершая кувырки под наблюдением Лео Тимаса, бывшего циркового акробата. Сержант Добнес в воинском доспехе, но без шлема, видимо, предупреждённый наблюдателем, уже вышел встречать меня за ворота и успел переброситься несколькими словами с парнями из авангарда, приветствовавшими его простыми солдатскими шутками.

– Рад вас видеть, ваше преподобие, – поклонился он, прижав руку к груди.

– Давно не виделись, Арчи, – шучу, спрыгивая с коня. Мы с ним вчера пообщались. – Прими благословение Создателя, – делаю ритуальный жест. – И от меня восхищение твоими талантами зодчего. Думаю, ты и как наставник не оплошаешь. Показывай, демонстрируй ваши достижения, а потом поговорим о дальнейшем.

Глава 5

Взвод остался снаружи: нечего создавать толчею на относительно небольшом пространстве. В ворота за сержантом Добнесом со мной вошли только милорд Герберт, лейтенант-маг Алиса и наставник Кир Бирюк. Своих коней мы оставили бойцам.

Лео Тимас уже скомандовал перерыв в тренировке, и наши будущие спецназовцы немного суетливо, но всё ж сноровисто организовали двухшереножный строй на дальнем от меня краю площадки из отлично утрамбованной глины.

Место в центре форта представляло собой нечто среднее между плацем и спортгородком. Половина – это столбы с перекладинами и канатами, лестницы, турники и манекены, другая половина свободна. Именно на второй и замерли во главе с бывшим акробатом восемнадцать парнишек. В своих одинаковых одеждах из холщовых штанов и подпоясанных кушаками длинных рубах они чем-то похожи на детдомовцев, как и их наставник. Может, распорядиться спортивные костюмы для них пошить? Хлопчатобумажных тканей здесь нет, и ладно. Льняная или шерстяная тоже подойдут. А то сейчас, зимой, в такой-то дрянной одежонке, поди, некомфортно. Зато порвут – не жалко. Подумаю.

Большинство учеников чуть помладше меня нынешнего, но есть и старше. Смотрят на аббата Степа вытаращив глаза и забыв, что для жизни требуется дышать, выражения лиц такие, будто к ним сам Создатель явился.

Интересно, что же им про меня Арчи с Лео наболтали? Думаю, достаточно одной только правды, чтобы вызвать чувство восторга. Ну и чувство благодарности, само собой, присутствует, когда имеется понимание того, кому они обязаны столь резким изменением своей судьбы в лучшую сторону.

Мы остановились, и Арчи принялся мне всё объяснять:

– Здесь площадка только для разминки. Основная – в лесу, мы там целый полигон устроили. Условия соответствуют тем, в каких им часто может потребоваться действовать, только искусственно ухудшенные, причём намного.

– Тяжело в учении – легко в бою, – изрекаю, вызвав на себя очередную порцию уважительных взглядов от соратников.

– Умеете вы, ваше преподобие, кратко так вот всю прямо суть, – мотнул головой сержант и продолжил: – Да, всё верно. Это у нас казарма, – показал рукой на самое длинное из четырёх одноэтажных, крытых дранкой бревенчатых строений, располагавшееся вдоль левой стороны насыпи. – В ней полсотни человек, как видите, легко разместятся, если двухъярусные топчаны сколотить, а пока эти оболтусы здесь, как купцы, вольготно располагаются. Там же и мы с Лео живём, в правом крыле. Это, – перевёл палец на здание напротив, чуть поменьше предыдущего, – склад, сенник и с обратной стороны – конюшня на десять голов. Брат Георг выделил нам трёх лошадей, стареньких и смиренных, но пока таких хватает. Ребята ещё только учатся сидеть в седле. Хотя уже держатся уверенно. – Ну, я-то тоже не джигитом сюда попал. Пришлось учиться. Так что по себе знаю, обучение не быстрое, кентаврами мои парни не скоро станут, да им этого и не нужно. А вот перемещаться верхом, надеюсь, смогут. – Тут у нас штаб, он пока пустой, – показал на одно из двух зданий справа. – Мебель подвезут на следующей неделе. А в этом, – посмотрел на четырёх женщин, мнующихся у крыльца последнего из домов, – хозяйственная постройка. Тут и кухня, и прачечная, и жильё для беженков. Как вам?

– Впечатлён, – отвечаю искренне. – За столь короткий срок – и так много сделать. Я правильно понимаю: без ущерба для обучения?

– Всё, как я вам вчера и доложил, – самодовольно улыбнулся сержант Добнес. – Парни горят желанием продемонстрировать вам свои полученные навыки.

– Что ж, с удовольствием посмотрю. Кстати, знакомьтесь. Кир, это Арчи, командир и главный наставник отряда. Арчи, это Кир Бирюк, непревзойдённый боец по рукопашному бою.

– Так уж и непревзойдённый, – усмехнулся мой сенсей и пояснил сержанту, пожимая протянутую руку: – Если бы не его преподобие, я бы остался инвалидом до конца жизни. А стал им, проиграв схватку в Ямах, так что милорд меня перехваливает. Но полученный урок усвоил, теперь готов и обучать, и сам участвовать в любых делах.

– О, третий в нашей компании наставников. Что ж, будем рады, а то за этими вчерашними мелкими уличными разбойниками нужно приглядывать особо, – обрадовался сержант.

Хорошо, что так. Я опасался некоторой ревности к новому назначенцу.

– А что, есть попытки хулиганить и здесь? – спрашиваю.

– Всякое бывает, – подтвердил Арчи. – Сами с Лео удивляемся. Вроде бы так их гоняем, что к концу дня на ногах уж не стоят, и вот этой ночью Виталию, это вон тому дылде, штанины между собой связали. Он спросонья не увидел, стал надевать (видите, как нос опух – как пятак стал у кабана), о табурет ударился. Ну, мы виновников, конечно, нашли. Вас проводим и устроим порку. Или спарринг со мной. А может, мастер Кир им что-нибудь продемонстрирует? Чтобы и навыки получили, и очень больно было? – посмотрел он на Бирюка.

– Могу и я проучить, – согласился мой сенсей.

Этот может, я на своей шкуре не раз испытал. Надеюсь, с парнями он будет помягче. Целительские амулеты тут применять некому. Да и особо не за что наказывать. Парни есть парни. Всегда будут злые шутки и постоянное выяснение, кто среди них самый крупный гном. Хотя попытки буллинга, конечно же, нужно пресекать.

Понятно, сержант хочет посмотреть со стороны на умения Кира Бирюка. Не исключаю, что и сам захочет помериться с ним силами. Что ж, могу лишь пожелать удачи. Если арбалетом, ножом, удавкой или честным клинком Арчи владеет, конечно же, лучше, но в приёмах борьбы без оружия он, как говорится, и рядом не стоял.

Меня в обители ждёт масса дел, поэтому от серьёзной тактической игры в лесу, когда бы парни, разбившись на два отряда, устраивали друг другу ловушки, старались бы избегать капканов соперников и демонстрировали мне навыки скрытности или внезапных нападений, я отказался. Ограничился лишь тем, что посмотрел, как ловко ребята лазят по канатам, бегают по брёвнам, просачиваются в узкие щели между столбами и мутузят манекены, кидают ножи, стреляют из арбалетов и кидают друг друга на землю. Честно? Я не просто доволен, а сильно доволен. Как удав, проглотивший поросёнка.

Особую признательность чувствую к исцелённому мною акробату Лео Тимасу. У него самого, такое чувство, тело без костей, так он как-то умудрился их вынуть и у пацанов. Понятно, согласись я посмотреть, чего ребята достигли в искусстве войсковых разведчиков, тут уж на переднем плане стоял бы сержант Добнес.

Поэтому похвалил обоих и подарил каждому привезённые из столицы кинжалы с лезвиями из царской стали. Так-то, если без понтов, она ненамного лучше нашей, созданной с помощью алхимических присадок, а может, и вовсе не лучше, но здесь важен сам факт редкости в Кранце подобного оружия. Понты ведь не только денег дороже. Вон Арчи аж сглотнул, принимая подарок, и глаза увлажнились. Да и Лео улыбается.

– А с теми, кто не выдерживает нагрузки, что делаете? – интересуюсь. – Тут до Готлина, если пешком, целый день идти, и то лишь не заплутав по дороге.

Опасений, что кто-нибудь из выгнанных что-то кому-то расскажет, у меня никаких нет. И пусть. Ничего секретного в том, что я готовлю войсковых разведчиков, нет. Информация, которую мне хотелось бы скрывать, появится намного позже.

Когда ребята окрепнут, станут отличными бойцами и ловкими акробатами, лучше профессиональных циркачей, вот тогда за них возьмётся лейтенант Эрик Ромм и станет обучать

мастерству наёмных убийц, но тогда их учебные классы будут уже не здесь, а в городских трущобах или на улицах.

Демонстрацию умений наших новичков я смотрел, сидя на вынесенной из казармы лавке. Компанию мне составила лишь Алиса, успевшая уже исцелить разбитый нос бедолаги Виталия, жертвы буллинга. Остальные стоят рядом. Комментировал происходящее на тренировочной площадке лишь Лео, мы же больше перекидывались шутками, но иногда говорили и о делах.

– Извините, ваше преподобие, – отвечает на мой вопрос сержант, проследив взглядом, как его завершившие показное занятие ученики побежали умываться к колодцу в углу двора. – Вы немного не так спросили.

– А как я ещё должен был? – усмехаюсь. – С поклоном, что ли?

– Нет, я не о том, – смутился бывший разведчик легендарного капитана Ронова. – У нас нагрузки выдерживают все. Кто добром не понимает, тому палка помогает.

– Научим, если не можешь, заставим, если не хочешь, – произношу я очередную мудрость родного мира.

– Да, так и есть. – Очередная порция уважительных взглядов от Арчи и остальных на молодого, но очень мудрого настоятеля Готлинской обители. – Прогоняю тех, кто слаб волей или характером. Выгнали уже одиннадцать человек. Зато из шестерых новичков четверо очень быстро вошли в ритм обучения. Нет, мы их не прогоняем в лес. Когда ездим за продуктами в город или к обители, отвозим и неудачников. Что уж дальше с ними будет, это их дело. Им предоставили счастливый шанс на достойную жизнь, они им не воспользовались.

Времена и нравы в Паргее суровые, так что Добнес с Тимасом действуют правильно. По-другому никак. У меня, конечно, как у единственного здесь представителя намного более гуманного мира время от времени возникают порывы сопли распустить, но жизненный опыт позволяет с этим справиться.

– А жаль пацанов, – сокрушённо бью себя по коленке кулаком. – Только, Арчи, ты ж помнишь, что нам надо хотя бы человек тридцать в отряде?

– Взвод, вы говорили, – кивнул тот. – Но Готлин – не Неллер. Оборванцев хоть, кажется, и много, но подходящих среди них тяжело найти. Даже думаю, что вот эти вот – это всё. Разве что ещё пятерых найду. Надо ехать в Реймс или Дитон, но лучше бы поискать в самом Неллере, уж там-то мы и на роту, а то и на две наберём.

– Не надо куда ездить, – отмахиваюсь. – Ещё пятеро – это нормально, а потом и другие нищие подрастут или появятся. В Гутово посмотри, хотя нет, крестьянские все при делах. Девчонок набери.

– Девчонок? – в один голос удивились и сержант, и лейтенант-маг, и Лео с Киrom.

– Ну да, – равнодушным тоном подтверждаю. – Неужели не сможете научить их боевым искусствам? Лично я в вас верю. Зато никто не ждёт, что обычная неударённая девушка может оказаться умелым воином. Удивить – победить, – завершил я одной из фраз нашего великого полководца Александра свет Васильевича Суворова. Вот из меня сегодня мудрость прёт. Прямо через край. С чего бы это? Так чего, понятно – настроение хорошее, спасибо Добнесу с Тимасом. – Только размещение продумайте. Может, ещё один домишко срубить придётся. Наберите с десятков девчонок, а там посмотрим, как пойдёт.

Если мой эксперимент насчёт подготовки из юных оборванок хладнокровных умелых спецназовцев-убийц провалится, ничего страшного. Я уже становлюсь опытным сватом, устрою девчонок через браки. Но что-то мне подсказывает – моя идея верная. Весьма вероятно, что этим десятком не ограничусь, да и вообще численность своих ниндзя увеличу. Правда, чуть позже. Имея под рукой таких людей, можно много неприятностей доставлять своим врагам, которые вряд ли когда-нибудь переведутся. На смену одним обязательно придут другие. Свято место пусто не бывает.

Ещё, как мне кажется, для этих моих ниндзя-ассасинов сейчас самый сложный период, для следующих новичков в подразделении будет больше возможностей для ускоренного развития. Не зря ведь говорят в моём родном мире: были бы кости, а мясо нарастёт. Как только сформируется отряд, как только он станет полноценной боевой единицей, так его пополнение станет тем самым мясом, укрепляющим функционирующий костяк.

– Эх, ваше преподобие, что ж вы раньше-то не сказали? – расстроился сержант. – Мы ведь с Лео в прошлом месяце видели сестёр-близняшек. Лет тринадцать. Шустрые, ловкие, наглые, с характером.

– Ну так в следующий раз поедете в Готлин – найдите. – Я поднимаюсь с лавки. Всё, что хотел увидеть, увидел. Пора возвращаться. – Вон кому-нибудь из ваших ребят поручите. Уж они-то все щели в городе знают.

– Этих девчонок уже всё, не найти, – вздохнул сержант, идя рядом со мной к воротам форта. – Их трупы уже вороны исклевали. Попались. Не нашли ничего умнее, как в графский замок пробраться и украсть там из прачечной почти новое нательное бельё графини. Скупщик их сдал, о цене, видимо, не договорились. Жалко. Хорошие бы ученицы получились.

– Так не теряй время, пока остальных достойных кандидаток не перевешали, – говорю, вскакивая в седло.

Не знаю, почему-то судьба тех нищенок меня расстроила. С ними поступили явно несправедливо. Так-то им, по идее, должны были на первый раз по ручонке отрубить. Тут, видимо, без вмешательства графини не обошлось. Суд был не городской, а феодальный, раз из замка спёрли. А в законах о владетельном правосудии рамки вообще не прописаны.

С Арчи и Киром попрощались за воротами. Бирюк знал, что ему придётся здесь остаться, поэтому на его пегой лошади, которую он взял под уздцы и повёл в форт, лежат два тюка с его скромными пожитками.

Совсем без его науки я не остаюсь. По четвёртым дням каждой недели, когда в обитель из форта приезжает за продуктами повозка, он будет её сопровождать. Часа времени на погрузку нам хватит, чтобы провести тренировку. Ну а в остальные дни я сам как-нибудь обойдусь. Возьму себе в спарринг-партнёры Ника с Иваном. Буду их колотить и по земле валять.

– Мы куда, милорд? – удивился Герберт, когда я показал командиру авангарда на дорогу, ведущую к северу.

– На пасеку заедем. Мёду возьмём.

– Зимой? Какой зимой мёд?

Ага. Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь. Это не про здешние края. Интересно, в этом году снег выпадет хотя бы разок? В прошлом выпадал, причём несколько раз. Впрочем, отсутствие снега вовсе не означает, что пчёлки будут в такой холод трудиться. Но у пасечника есть запасы мёда в сотах. В обители же только выкачанный.

– Летний, какой же ещё? У твоего коллеги и приятеля на носу свадьба. А для его невесты нет лучше подарка, чем горшочек с мёдом. Или пустой, который никуда не поддается, будет лучше?

Я коротко рассмеялся, Герберт с Алисой тоже улыбнулись, хотя, понятно, всей глубины моей шутки не поняли: книга «Винни-Пух и все, все, все» пока мною не написана.

Разумеется, сладости – мёд, сахар, леденцы – это лишь ироническое дополнение к Юлькиному приданому. Основное – это дом, который я решил им с Эриком подарить в нашем поселении. Нет, готовые сейчас не продаются. Строится много, но не на продажу. Квартиры здесь вообще отдельно нельзя купить, только снимать в доходных домах.

Так что брат Георг выделил земельный участок недалеко от главной площади. Там когда-то, лет пять назад, располагался летний загон для монастырского стада коров, а теперь эта территория разбита на участки и продаётся под жилищное строительство. Кстати, земля там дорогая, всё ж центр городка, рядом с административными зданиями, гостиницей, трактирами

и лобным местом. Ну да мне-то даром достался, не жалко и подарить одному из своих самых ближайших соратников и подруге детства моего предшественника.

Только одним лишь земельным участком моя щедрость не ограничивается. Брат Алекс, наш казначей, подобёт смету расходов на строительство скромного, но вполне приличного дома в шесть комнат, и я оплачу строительные и отделочные материалы, а также труд бригады каменщиков, которая как раз завершила ремонт южной стены. Остальные работы, включая кровельные, сделаю силами монастырских рабов.

Эрику я на свадьбу уже подарил отличный латный доспех. Вряд ли лейтенант Ромм станет его надевать, он предпочитает лёгкие кожаные, но пусть будет, мало ли что. Главное, что дорого. Я за этот доспех в Рансбуре почти две тысячи драхм отдал, и то с большой скидкой, которую мне Леон Рофф помог выбить.

Юлке повезло. Горшочков у пасечника не оказалось, лишь горшки, самый мелкий – литра на три. Вот его и наполнили янтарными сотами. Крюк на пасеку сделали совсем небольшой и задержались там ненадолго. Вернулись к обители даже раньше, чем я планировал. Наверное, можно было бы и военные игры в лесу посмотреть. Хотя нет, тогда б я точно перед закатом только домой приехал.

Обгорелые трупы казнённых отравителей сняли, а когда мы проезжали мимо столбов, к которым те были прикованы, их уже повалили, и два послушника снимали цепи. Правильно: металл дорог, и оковы ещё не раз пригодятся.

Получилось так, что мы вернулись к окончанию обедни в нашей церкви и торжественного богослужения у святого источника. Народ уже валил назад, поэтому моё возвращение оказалось таким же приметным, как и отъезд. Опять приходится благословлять выкрикивающих приветствия людей.

Возле воротной арки пришлось задержаться, чтобы переговорить с братом Симоном, а когда доехал до крыльца главного здания и спрыгнул с коня, увидел запыхавшегося библиотекаря, спешащего что-то мне сообщить. Нельзя в его возрасте так быстро бегать. Ещё сердечко прихватит.

– Что-то важное, брат Валерий? – спрашиваю его.

Тот ответил не сразу, сначала отдышался.

– Да, ваше преподобие, – наконец смог заговорить и протянул мне полоску ткани. Он же у меня не только за книгоиздание и хранение фолиантов отвечает. Голубиная почта тоже на нём. Понятно, что это за ленточка у него в руках. – От вашего лейтенанта Ригера прилетел. Правда, в этом послании ничего не понятно. И оно очень короткое.

Вот он, недостаток нынешней почты. Все подряд могут мою переписку читать. Ну ладно. Что есть, то есть. Забираю послание и спустя десяток секунд не могу сдержать стоны. Там написано: «Меня вызывали в инквизицию. Велено передать вам срочно и дословно: это милорд Курт Неллерский. Всё. Ничего не объяснили».

Чёрт, а чего тут ещё-то объяснять? Подробности поисков и дознания виконт Филипп обещал сообщить письмом, но уже и так всё ясно. Ну, дядя. Орёл какой.

Глава 6

Курт же моему папане даже не двоюродный, а троюродный брат. Это что ж тогда получается? Берта – моя четвероюродная сестра? Ну, прелат, вот ведь удружил так удружил. Похоже, до принятия сана ты у нас большой любитель приключений на свою задницу был.

Хотя почему похоже? Дорогая моя тётушка Ника Ворская, больших ума и информированности человек, как-то же обмолвилась мне, дескать, её кузен милорд Курт Неллерский в молодости очень любил женщин, вино и дуэли – именно в такой последовательности. Посмеялись с ней над шуткой, а это, оказывается, вовсе и не шутка была.

– Мыльня натоплена, – доложил мне Ник, принимая у меня поводья перед крыльцом главного здания. – Сейчас пойдёте мыться? Там банщицы ждут, если соизволите.

На лице моего друга детства – вселенская скорбь. В самом деле, жизнь так и устроена. Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Да, штаб-капрал, упустил ты своё счастье. Видел же, и не только я, нравится тебе Юлька, очень нравится. И всегда нравилась, отлично помню. Не просто же так ты меня ещё лет в восемь-девять подбивал комками грязи в неё кидаться. Я тогда – вернее, Степ – в сумраке не разглядел и конское яблоко схватил, причём свежее. Потом руку в луже мыл.

– Вечером, Ник. – На крыльцо я поднимаюсь один, отпустив офицеров сопровождения заниматься своими делами. Взвод свернул к казарме сразу же после проезда воротной арки. – Я, конечно, люблю чистоту, но три раза в день посещать баню – даже для меня перебор. Сообщи, чтоб не ждали. И лицо попроще сделай. Не грусти. Сам ведь решил, что ещё не нагулялся? Вот и пользуйся свободой. За Юльку нужно радоваться. Давний друг, как ни крути.

Он шмыгнул носом, будто не унтер-офицер, а пацан дворовый. Ну да, так и есть. Ладно, хотел свободы, ты её и имеешь. С другой стороны, действительно рано в нашем возрасте о серьёзных семейных отношениях думать. Успеет ещё сто раз полюбить и девяносто девять разлюбить, пока не встретит ту единственную. А я? А мне как быть?

– Виконтесса Дитонская уехала на прогулку. – Это брат Сергей, увидев в окно моё возвращение, какого-то чёрта сбежал меня встречать в холле. Чего-то накосячил, что ли, раз выслуживается на ровном месте? – Приказала напомнить вам, что она с миледи Эйты сегодня вечером присутствует на записи новой сказки. Юлька с ними уехала. Платье ей подобрали из столичных, но немного перешили. – Он поднимается следом за мной, отставая на одну ступеньку. – Я, я это... случайно увидел и сказал, что зря. До этого лучше было. Миледи обе, они... – морщится. – В общем, вот.

– Да ладно! – Я даже остановился от удивления. – Сергей, ты чего? Кто ж такое говорит девушкам? Понятно. Тебе конец, брат. Понимаешь? Шучу. Не переживай, отмажу. Ну, в смысле – придумая объяснение твоей безвкусице.

Юлиана – настоящее золото, бриллиант, но ведь и на солнце бывают пятна. Моя любимая кузина злопамятна и мстительна.

Это только на первый взгляд может показаться, что виконтесса, пусть даже будущая графиня, ничем не сможет насолить молодому монаху. На самом же деле жизнь не сегодня ведь заканчивается, а Юлиана весьма изобретательна в плане мести тем, кто её оскорбил. Зря Серега чуть ли не прямым текстом ляпнул, что она лишь испортила одежду, сшитую по последней рансбургской моде, ох зря.

В покоях меня дожидается только Ангелина. Правда, пока она помогает умыться, появляется Котька, хвала Создателю, без добычи, но, в отличие от служанки, кошка не помогает, а мешает моему приведению себя в порядок.

А ведь скоро и Ангелина меня покинет. Лейтенант сыска Николас вполне серьёзно отнёсся к моему предложению взять её в жёны. Так что проблема с новыми помощниками

встала весьма остро, учитывая, что моё намерение подобрать себе служанок из монастырских рабынь Юлиана разбила в пух и прах, обидно посмеявшись над безумно обожающим её двоюродным братиком Степом.

Не, ну логика и здравый смысл в её словах присутствовали. Сложно оказалось спорить с очевидным. Из работницы свинарника, коровника, птичника, мастерской или крестьянки выйдет очень неуклюжая горничная. Придётся ехать в Готлин и там выбирать. Хотя можно кого-то и послать туда, но всё же лучше самому.

На обеде, как я и обещал, собрались всем руководством монастыря. Братья успели уже переодеться из парадных сутан, в которых ходили на полуденное богослужение в нашем храме, в повседневные, а преднастоятель и вовсе оделся как подобает скромному дворянину.

С документами решили поработать позже, а пока я просто поочерёдно выслушал их подробные доклады. В общих-то чертах они мне ещё вчера рассказали.

Баронет Михаил был краток. Он тут в моё отсутствие исполнял обязанности главы церковного суда, рассмотрел десяток дел доставленных еретиков здесь, в обители, и однажды выезжал в Готлин по просьбе графа. В городе обнаружили ведьму, насылавшую порчу на виконта-наследника Антона. Ей заплатила дочь торговца пряностями, над которой старший из сыновей графа Олега надругался. Владелец не хотел, как бы сказали в моём родном мире, выносить сор из избы, поэтому дознание и суд состоялись у него в замке. Там же провели и казнь. Вопреки традиции ведьму, как и её заказчицу, не сожгли, а удушили гарротой в подземелье. Преднастоятель заметно переживал, что я сейчас наброшусь на него с критикой, только аббат Степ – вполне разумный дворянин. Прекрасно понимаю, что с соседями лучше жить в мире. Зачем нужен конфликт на ровном месте? Достаточно того, что я их с Глорией младшего сына Виталия на суд Создателя отправил.

Ещё Михаил уже не церковным судом, а феодальным – монастырь приравнен в правах к владетелям – обратил в пятилетнее рабство три семьи крепостных из Гутово за недоимки по оброкам, и в трёхлетнее за то же самое отправились пожилой серв с женой из Монастырки.

– Дед-то с бабкой нам зачем? – не смог не поморщиться, хотя именно в этот момент дело у нас за столом дошло до очень вкусных отбивных в панировке из сухарей. – Почти шестьдесят лет обоим? Стригли бы овец и стригли. Куда их теперь-то девать?

Ответил брат Симон:

– Они так же и продолжат заниматься баранами. Но нельзя спускать недоимки. И я им у себя в аптеке дополнительные работы нашёл.

– Раз нашёл, тогда давай теперь ты и рассказывай. С габарийским бароном с этим надоедливым, ну, который племянника привёз, о чём предварительно договорились?

– Ни о чём, – удивлённо поднял брови целитель. – Одержимость – не моё дело. Я за семьдесят драхм продал ему четырнадцать склянок алхимического снотворного, хорошего, опробованного, по книге рецептов миледи Сильвии, а в остальном оставил на ваше усмотрение.

– Правильно. Одержимые – это мой профиль, – усмехнулся я, произнеся одному только мне понятную шутку, касающуюся похожей фразы из фильма «Кавказская пленница». – Думаю, пять тысяч габариец найдёт.

– Десять, – не сдержался казначей. – Дешевле брать не стоит, ваше преподобие.

Брату Алексу по должности положено быть скупым. Он таким и остаётся, невзирая накратно выросшие доходы обители. Я же пока со стоимостью своих целительских услуг до сих пор не определился. Прославился как спаситель от увечий, ран, болезней и одержимости, но вся моя медицинская деятельность до сих пор получается бесплатной. Или на войне исцелял, или по просьбам близких либо нужных людей. Так, если разобраться, огромные деньги мимо прошли. Ладно. Цену габарийцу обозначу после подробной с ним беседы.

– Посмотрим, может, и десять возьму? – усмехаюсь. – Брат Симон, ты говорил о новых рецептах. Это только для наших больных или на продажу отправляем? Что-то в тех товарах, которые приходили в Рансбур и Неллер, ни одного пузырька зелья или мазей не видел.

– Большую часть всё ж на продажу. – Целитель зажмурился от удовольствия, попробовав отбивную. – Только в крупные города нет смысла возить. Там своих алхимиков много, особенно в столице. Я сюда, в Готлин, отправляю, в Реймс, в Парм. Вот если виконтесса Юлиана позволит, можно с её отрядом, когда она будет возвращаться домой, в Дитон отправить с повозкой-двумя, у брата Георга тоже есть что там продать.

– Я поговорю с ней, – киваю и перевожу взгляд на управляющего: – Брат Георг?

Тот чуть не подавился. Надо было мне подождать, пока он прожует. Хорошо, что в Паргее чревоугодие не относится к списку грехов. Так что мой фолиант о вкусной и здоровой пище принят монастырской кухней в качестве руководства к действию, а братья монахи, не все, конечно, а занимающие высокие должности в моей обители, теперь каждый день радуются. Да уж, это им не пережаренное или полусырое, или одновременно и такое, и такое мясо. Про рыбу или салаты вообще молчу, как и про овощи. Устроил своим помощникам праздник живота на всю жизнь. Они себе могут это позволить.

– Всё как вы и говорили, – наконец прожевал он кусок. – Стараемся дорогие изделия продавать лишь за пределы Кранца. Так что цены в нашем королевстве ни на подзорные трубы, ни на готлинские ходики, ни на леденцы, ни на шкатулки с зеркальцами и алхимическими составами для красоты дам, ни на сумочки ещё очень долго не упадут. В Верции через вашего агента всё раскупают мгновенно. Особенно подзорные трубы и астролябии. Капитаны и владельцы судов там даже создали что-то вроде совета, который определяет очерёдность покупок. Я тут осмелился без ваших указаний немного цены поднять...

– Ненамного – это на сколько? – уточняю.

– На треть, – буркнул брат Георг.

Ничего себе – ненамного. Впрочем, я только за. Надо снимать пену, пока во множестве не расплодятся копировщики. Вон в Рансбуре уже пытаются подзорную трубу сделать. Лео Рофф мне приносил образец. Но там пока ещё не скоро разберутся с принципами правильной установки призм. Изображение в окулярах у воришек моих идей перевёрнутое. Но всё равно надо торопиться с продажами. И, конечно же, думать уже над новыми приборами и изделиями.

Чтобы не ронять ценник, основную часть придуманных мною товаров поставляем за границы Кранца вместе с частью сыров и оливкового масла. Сахара ещё мало, и почти весь он идёт на потребление и переработку в монастыре. Уже сделаны первые запасы джемов и конфитюра.

Торговлю брусом, досками, шпоном и прочими материалами, которые сейчас на потоке моих пилорам, пока не организовали: всё уходит на наши нужды. И обитель давно уже нуждалась в ремонте, и поселение растёт очень активно. Построить ещё одну пилораму? Ленточную или дисковую? Ну, не знаю пока. Перепроизводство – это тоже плохо. Дерево – не сахар или подзорная труба, его слишком далеко возить будет накладно.

За обедом мы просидели час, десерт же ещё был в виде безе. Правда, пирожные нашему толстяку-повару не очень удались, ну да ещё научится. Всё ж сладости ему приходится готовить не так часто, тем более ранее не известные. Это уж ради моего приезда он второй день старается. Брат Георг ему выдал продукты, обычно закрытые под семью замками, включая сахар.

Пошли потом в кабинет, где мне пришлось зарыться и утонуть в ворохе свитков и учётных книг. Не то чтобы я не доверял своим помощникам, но требуется быть постоянно в курсе всех дел, а ещё не вводить соратников в искушение начать чего-нибудь химичить. Там же передал казначею привезённые мною из Рансбура векселя. Послезавтра брат Алекс всё равно едет в Готлин, там их и частично обналичит, а большей частью абонирует на верцийские банки торговой гильдии и гильдии менял. Ещё у нас на руках имеется поручительство имперского

банка, но оно само по себе как золото, так что его просто поместим в монастырскую казну. Футляр там серебряный, залит воском, поэтому содержимое не испортится.

Получив все интересующие меня в документах пояснения, решил пока оставить бумаги и пергаменты у себя. Завтра-послезавтра, когда будет выпадать время, просмотрю ещё разок свежим взглядом.

– Обход мастерских и прочего проведу послезавтра, – говорю помощникам, провожая их на выход. – Завтра предстоит совершить ряд обрядов. Брат Валерий, поможешь мне у источника. Молебен о здравии будущего ребёнка виконтессы Юлианы проведу рано утром. Пришлю за тобой вот его, – показываю подбородком на поднявшегося при нашем появлении в приёмной брата Сергия.

Проводив визитёров и отпустив секретаря до вечера – сядем записывать «Огниво» только после ужина, так что пусть развлечётся с девицей из ткацкой мастерской, дело молодое, – я взял на руки тяжеленную Котьку (она мне, пока я беседовал с помощниками, под столом всю коленку своими когтями продырявила) и ушёл на диван в гостиную, куда Ангелина принесла мне морса.

Поглаживая кошку и слушая её утробное довольное урчание, вернулся к мыслям о Берте и прелате Курте Неллерском, оказавшемся её отцом. Прямо как бразильский сериал или индийское кино получается. Жизнь порой оказывается более изобретательной, чем авторы и сценаристы в своих фантазиях.

Дядюшка ведь даже не представлял, что мстил бандитам за родную дочь. Интересно, как он отнесётся, когда узнает это? Думаю, обрадуется. Нет, понятно, вначале будет шок и удивление. Он, поди, и не помнит, что и где делал пятнадцать лет назад, и о случайной трактирной служанке забыл уже на следующий день после того, как с ней развлёкся. И тут такое.

Если я ничего не путаю, а на память не жалуясь, у милорда Курта были дети: два сына, и оба бастарды – от разных женщин-простолудинок, он ещё тем гулёной был. Сыновей дядюшка признал, только вот счастья это им не принесло. Первый умер ещё ребёнком от мора лет семь или восемь назад, когда западную часть континента косила жёлтая лихорадка, а второй погиб в империи на дуэли относительно недавно, года два назад.

Старику будет приятно узнать, что у него, оказывается, есть ещё один ребёнок, и какой! Умница, красавица, а главное для здешних реалий – сильная одарённая. Самое удивительное – её магия мощнее, чем у отца. У прелата десяток оттенков в источнике, а у его дочери – четырнадцать. Почти в полтора раза больше. Наглядная демонстрация того, что магическая сила может передаваться через поколения. Хотя какой дядюшка Курт старик? На пару лет всего старше меня настоящего.

Нет, от такого подарка судьбы престарелый родич точно придёт в восторг. А вот что с самой Бертой? Насколько успел её узнать, она скорее смутится и даже испугается. Только эти чувства будут у неё лишь вначале. Потом, к гадалке не ходи, потянется кровиночка к кровиночке, в смысле – к отцу.

Да и статус Берты взлетит резко вверх. Одно дело – вассал рода, и совсем другое – кузина правящего герцога и племянница вдовствующей герцогини и неллерского епископа, пусть и четвероюродная. Тут и имение наверняка найдут, причём богатое, тысячи на полторы-две крепостных или сервов, а то и вовсе какое-нибудь из выморочных баронств достанется. Последнее, правда, лишь в качестве приданого.

– Ты ещё и кусаешься, Котя? – отдёргиваю руку. – Ну всё тогда, больше не буду тебя по пузу гладить. Какая у меня принцесса капризная выискалась. Эх, лучше подсказала бы, что со мной сейчас происходит. Что в моей молодой голове, забитой взрослым сознанием, вдруг начало твориться, а?

Понять не могу, радуюсь я за сильно нравящуюся мне в моём юном образе девушку или расстраиваюсь. С одной стороны, полученное известие о родословной Берты никак не может

помешать моим чувствам, даже наша мать-церковь спокойно относится к столь не близкому родству при заключении брачных союзов, вот только я сам как-то неуютно, неуверенно себя начинаю чувствовать от осознания того, что Берта – моя сестра. Надо немного с этой информацией пожить. Понять, какой бес во мне свербит.

А ещё никак не могу сообразить, как воспримут в моей семье факт родства с миледи из Новинок. Может, вообще им не говорить? Нет, не получится. Виконт Филипп ведь не сам лично всё выяснял. Там были задействованы не один и не два следователя инквизиции. И вопросы они задавали многим людям. И концы в воду не прятали: такой задачи им не ставили. Круги по этой самой воде уже пошли. Рано или поздно они дойдут до прелата Курта и остальных Неллеров.

Чего я гадаю-то? У меня ж в нашей семье есть настоящий друг, и такой, который умеет – проверено – держать язык за зубами, если я об этом попрошу. И этот друг сейчас здесь. Вот ведь удача какая. Очередная. Сейчас Юлиана вернётся, и я всё ей расскажу. Одна голова хорошо – две лучше. У меня сознание опытного человека, у кузины – знание и понимание характеров родственников, она ж рядом с ними выросла. И девчонка очень наблюдательная.

– Степ, привет! – вошёл в гостиную милорд Монский и посмотрел на насторожившуюся Котьку. – Да уж. Они у тебя до размеров быка не вымахают?

– Вроде не должны, – с сомнением посмотрел на вырвавшуюся из моих рук кошку. Она с важным видом направилась к распахнутому окну. – Ты-то как? Собрался в дорогу?

– Да, всё сложил, переложил, упаковал. – Он взял мой кубок, сделал глоток, обнаружил, что там морс, поморщился, будто лимон съел, и быстро вернул мой напиток на место. – Завтра утром отправимся. Знаешь, я вот думаю: может, мне одного только Леона взять с собой? Если вдруг где-то в лесу придётся заночевать, подежурим по очереди.

– Никаких «одного только», Карл. Уж сто раз об этом говорили. У тебя сколько выючных лошадей с подарками родителям и родственникам? Три? Отличная добыча для разбойников, а у них почти в каждом придорожном трактире и в деревнях есть глаза и уши. Поэтому берёшь с собой полный десяток, и не какой-нибудь, а сержанта Торела, лучший. Когда с тобой рядом будут Николай и его парни, мне как-то спокойнее. Всё. Не обсуждается. Ты чего тренировочный меч с собой притащил?

– А мы не идём?

– На тренировку? Нет. Сегодня вечерняя отменяется. Слышишь, виконтесса Дитонская со свитой идёт? Мне с ней кое о чём нужно пошептать. Составишь пока компанию миледи Эйты и невесте нашего боевого товарища? Потом вместе все поужинаем.

Разумеется, этот ловелас от компании девушек не отказался. Я же утащил Юлиану к себе в кабинет, где усадил в своё кресло – это самое удобное место в моей рабочей комнате.

– Ты чего такой загадочный? – смеётся кузина, смотря на меня, чуть склонив голову к плечу.

Я же, плотно закрыв за собой дверь, сажусь на ближайший к ней боковой стул (тут недавно сидел глуховатый библиотекарь) и, снизив голос, прошу:

– Поклянись, что пока никому не расскажешь о том, что я тебе сейчас сообщу.

– Степ, братик, ты не шутишь, ты серьёзно? – уточнила она, перестав подхихикивать, но всё ещё улыбаясь.

– Серьезнее некуда, – подтверждаю. – Так что, обещаешь?

– Когда я тебе в чём-нибудь отказывала? Ради тебя стану немой. Обещаю.

– Я тут одну информацию узнал. Она никому из наших родственников неизвестна. В общем, про Берту.

– Она тебе нравится, Степ. Очень нравится. Ты хоть мне не признаёшься, от ответов уходишь, но я это поняла. И я сдержу своё слово. Никому об этом не скажу. Только тебе лучше забыть про неё. Вам не позволят никогда быть вместе.

– Да? Ты в этом уверена? – переспрашиваю. – Впрочем, сейчас не об этом разговор. Она, оказывается, дочь прелата Курта! Наша с тобой кузина!

И без того удлинённое книзу лицо Юлианы вытянулось ещё больше.

– Вот это да, – изумлённо прошептала она. – А это точно?

Глава 7

– Сергей, а где символ жезла? – спрашиваю у секретаря, заходя в приёмную из коридора. – Ты сам чего ещё не в облачении? Нам уже пора выдвигаться. Не заставляй же прекрасную виконтессу Дитонскую ждать?

– Он у вас на груди висит, – не изменившись лицом, отвечает брат Сергей. – А я уже всё подготовил. Всё, осталось только сутану надеть, – что он и делает, снимая её со спинки своего стула и накидывая через голову поверх рубахи.

Я же машинально прикладываю ладонь к груди и в самом деле обнаруживаю, что жезл Создателя, который я искал в спальне минут пять, уже висит у меня на шее. Ужас просто. Неужели возвращаются закидоны из моей прошлой жизни? Тогда мне тоже случалось порой искать шапку, давно надетую, барсетку, которую держал в руке, или ключи от машины, уже положенные в карман.

Юлька уволена, Ангелину послал к кухне уточнить, готова ли та к выходу, а сам, получается, как без рук стал. Даже собраться толком не могу. Правда, меня пушистики отвлекали, поиграть им захотелось, так что ладно, буду считать, оправдание себе нашёл. Вот такой уж я рассеянный.

Смотрю на Серёгу: не насмехается ли он надо мной? Нет, не насмехается, как говорится, морда кирпичом. Молодец, ценю его за чувство такта и за понимание, что такие великие боевые маги, легендарные целители, гениальные учёные, философы, сказители и лучшие руководители – всё в одном, – как аббат Степ Готлинский, он же милорд Неллерский, имеют полное право на некоторые слабости и чудачества.

– Письма когда отправишь? – киваю на два свитка, лежащие на столе секретаря.

Кухина меня вчера аргументированно убедила в том, что наш троюродный дядюшка должен обязательно узнать о Берте. Она его дочь, и хранить это в секрете от него нельзя ни в коем случае. Он наш родственник, и лучше всего, если эту важную и радостную информацию прелат Курт узнает от меня. В том, что известие его обрадует, Юлиана не сомневается. И, конечно же, нельзя такое скрывать и от главы нашего рода. В общем, вчера мы вместе от моего имени составили два кратких послания дядюшке и герцогу Джею.

– Прямо сейчас, – ответил Сергей. – Вот-вот отправится караван, я передам оба свитка через Парфёна Сомера, виргийского торговца. Купец надёжный, ездит часто мимо нас. Да ему и выгодно послужить посланником. Через неделю получит герцог, через месяц или даже раньше – его преподобие прелат Курт.

Секретарь прав. Доставлять известия сильным мира сего, таким как правитель Неллера или настоятель главного столичного храма, не просто почётно. Торговец может рассчитывать за свою услугу на толику покровительства. Уж чем-чем, а неблагодарностью наш род никогда не славился. Так что, если возникнут у этого Парфёна Сомера проблемы с гильдией, городскими властями или стражей, как минимум покровительства от Неллеров он дождётся. В том смысле, что поступить с ним противозаконно, бесчестно или несправедливо мы не позволим. В общем, письмо дойдёт. А что не быстро, ну так такова уж жизнь. С идеей телеграфа вылезать не собираюсь. Слишком уж это опередило бы время: на века.

Сергей при мне быстро вложил послания в тубусы, опечатал моей малой печатью с вензелями «С» и «Н», понятно что означающими, и спрятал письма под сутаной: там у него на поясе небольшая сумочка на все случаи жизни.

На выходе из покоев меня чуть не сшибла с ног Ангелина, спешившая сообщить, что виконтесса Дитонская готова. Что ж, мне в соответствии с ритуалом необходимо ожидать её уже возле источника, и я в сопровождении дожидавшейся меня на крыльце свиты из братьев-помощников, тоже в парадных одеяниях и с золотыми жезлами поверх сутан, торже-

ственно следуя к выходу из обители. За нами не очень организованной толпой шествуют все свободные от дежурств братья, даже Афанасий, козёл и алкаш, испортивший часть моего неллерьяка, где-то там гремит веригами. Так ему и надо, уроду.

Булыжник покрытия площади и дороги до арки, такое чувство, не просто подметён, а ещё и тщательно вымыт: даже ступать по нему приятно. Брату Георгу за то отдельное спасибо, постарался. Знает, как дорога мне кухня и насколько важно провести ритуал на самом высоком уровне.

Понятно, народ опять собрался в большом количестве поглазеть, только сегодня с его любопытством поступили достаточно сурово: взвод моих кавалеристов и десяток монахов лейтенанта Макса отогнали всех на значительное расстояние. Принятие высшего благословения Создателя при Готлинском источнике, можно сказать, процесс интимный, лишним рядом делать нечего. Впрочем, на другой стороне озера, противоположной той, куда по жёлобу стекает вода источника, зевакам находиться никто не мешает. Можно подумать, они смогут чего-то услышать. Глупость. Ну ладно. Хочется им стоять и глазеть – пусть стоят и глазают.

У озера имеется небольшой отросток, там устроена купель в виде спускающихся в воду ступеней из лиственницы. Это влагостойкое и крепкое дерево в наших краях почти не произрастает, но найти можно, о чём предшественник моего предшественника и позаботился. Достойно вспомнить его добрым словом. Лестница в воду будто только вчера сделана – крепкая, ровная, отшлифованная, что важно, так как моей любимой кухне предстоит спускаться по ней в воду босиком.

Шагах в двадцати, не доходя до купели, вкопаны два чёрных столба. Почему чёрных? Нет, не траурные. Просто это цвет нашего ордена, и всё, что можно красить такой краской, стараются ею и покрывать. Но она несколько дефицитна, иначе у нас бы всё тут как в замке вампиров смотрелось. У меня есть один секрет, как удешевить изготовление такого колера, однако помалкиваю: эта тайна умрёт вместе со мной, ну или уж на смертном одре её раскрою. Не хочется в трауре жить.

Столбы – это граница, за которую мы проходим лишь вдвоём с Серёгой, да и то он идёт, чтобы донести фолиант-молитвослов: мне предстоит прочитать аж семь молитв, понятно, наизусть их не помню. Может, лет через десять слова обращений к Создателю будут у меня как от зубов отскакивать. Вон дядьки мои – Рональд и Курт – оба выучили все молитвы. Уважаю. Родовитые аристократы, а не поленились, относятся к своим обязанностям серьёзно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.